

РАЙЛИ
СЕЙГЕР

МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ ЛОЖЬ

НЕОЖИДАННАЯ ПРАВДА
ПРЕКРАСНО СКРЫВАЕТ
ТРИВИАЛЬНУЮ ЛОЖЬ.

О ТАКОЙ КОНЦОВКЕ МЕЧТАЮТ ВСЕ ЛЮБИТЕЛИ ТРИЛЛЕРОВ — ОНА ПОРАЖАЕТ
ДО ГЛУБИНЫ ДУШИ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ КАЖЕТСЯ АБСОЛЮТНО ЛОГИЧНОЙ.

THE NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

Новый мировой триллер

Райли Сейгер

Моя последняя ложь

«Издательство АСТ»

2018

УДК 21.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Сейгер Р.

Моя последняя ложь / Р. Сейгер — «Издательство АСТ»,
2018 — (Новый мировой триллер)

ISBN 978-5-17-111411-4

«Две правды и одна ложь». В летнем лагере «Соловей» девочки играли в эту игру каждый день. Эмма, самая младшая, с восторгом смотрела на своих соседок, с которыми она делила маленький деревянный коттедж. Но однажды ранним утром Натали, Эллисон и Вивиан тихонько ушли из коттеджа, чтобы никогда не вернуться. Их искали сотни людей, но безуспешно. Теперь, пятнадцать лет спустя, Эмма стала многообещающей художницей. Она пишет масштабные полотна, где темные листья и узловатые ветви сплетаются в мрачные узоры. Но только Эмма знает, о чем на самом деле ее картины: на каждой из них под сучьями и листвой скрываются три белые фигуры – три девочки, исчезнувшие навсегда. Эмма не может забыть о прошлом, но и прошлое вспоминает о ней: внезапно ее приглашают в тот самый лагерь – теперь как преподавательницу живописи. Страшась и одновременно надеясь раскрыть старые секреты, Эмма принимает приглашение. Удастся ли ей разгадать тайну, которая оказалась не под силу полицейским? Что она узнает об исчезновении девочек и о самой себе?

УДК 21.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-111411-4

© Сейгер Р., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть первая. Две правды	10
1	10
2	16
3	21
4	26
5	30
6	37
7	40
8	46
9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Райли Сейгер

Моя последняя ложь

Riley Sager
THE LAST TIME I LIED

© Riley Sager, 2018
© Гардт А., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается, как обычно, Майку

Вот как все начинается.

Ты просыпаешься от шепота солнечных лучей в кронах деревьях за окном. Лучи блеклые, слабые и сероватые, особенно ближе к кромке стекла. Рассвет покрывает ночь, прячет ее. Но все-таки уже светло, светло настолько, чтобы ты перевернулась и уткнулась в стену. На мгновение ты не понимаешь, где находишься. Такое случается после глубокого сна, когда не видишь даже цветных картинок. Временная амнезия. Ты смотришь на тонкие линии, которыми расчерчена обшитая сосной стена, чувствуешь запах костра в собственных волосах и наконец понимаешь, где ты.

В лагере «Соловей».

Ты закрываешь глаза и пытаешься уснуть снова, игнорируя звуки живой природы снаружи. Это диссонанс, в нем нет ни намека на гармонию: ночные животные пытаются отвоювать территорию у дневных. Ты слышишь барабанную дробь, которую издают насекомые, чириканье птиц, одинокий крик гагары, призраком раскатывающийся по поверхности озера.

Шум снаружи временно маскирует тишину внутри. Потом тук-тук-тук дятла по дереву смолкает, оставляя за собой лишь эхо, — и в этот краткий момент ты понимаешь, что внутри никто не издает ни звука. Ты слышишь даже собственное тяжелое, сонное дыхание, чувствуешь, как вздымается и опадает грудь.

Ты осматриваешься и силишься уловить что-нибудь еще. Что-нибудь внутри коттеджа.

Тишина.

Дятел снова принимается долбить, и этот непрерывный набат отвлекает тебя. Ты отворачиваешься от стены и смотришь на коттедж. Пространства мало. Его хватает на две двухъярусные кровати, ночной столик с лампой и четыре ящика для вещей из карши, стоящих неподалеку от двери. Коттедж мал настолько, что ты сразу понимаешь, что внутри нет никого, кроме тебя.

Ты переводишь взгляд на кровати напротив. Верхняя аккуратно заправлена, белье натянуто и разглажено. Нижняя — совсем наоборот. На ней лежит ворох одеял, под ними притаилось что-то объемное.

В неверном свете утра ты смотришь на время. Сейчас пять с небольшим. Осознание того, что до пробудки почти час, вызывает прилив паники, который бежит под твоей кожей, раздражая, вызывая нервный зуд.

Ты думаешь о несчастных случаях. Внезапная болезнь. Тревожный звонок из дома. Ты даже пытаешься сказать себе, что девочки собирались в спешке и решили тебя не будить. Или же они пытались, но ничего не получилось. Или же они разбудили тебя, но ты не помнишь.

Ты склоняешься над ящиками у двери. На каждом вырезаны имена обитателей лагеря, когда-то здесь живших. Ты открываешь все, кроме своего. Каждый ящик обит шелком. Каждый до краев заполнен журналами, одеждой и простыми поделками. В двух лежат телефоны, отключенные вот уже несколько дней.

Только одна из них забрала мобильный.

Ты понятия не имеешь, какой из этого сделать вывод.

Ты сразу начинаешь думать про туалет. Логично предположить, что девочки пошли именно туда. Кедровое прямоугольное здание с душевыми спряталось за коттеджами, оно стоит почти у самого леса. Возможно, кому-то из них понадобилось воспользоваться ванной, а остальные последовали за ней. Такое уже случалось. Ты принимала участие в похожих походах: вы кучковались и брели по тропинке, залитой светом единственного на четверых фонарика.

Однако заправленная кровать говорит о том, что уход был спланирован. Они собрались куда-то далеко. Или того хуже – даже не ночевали в коттедже.

Ты все равно открываешь дверь и, нервничая, выходишь наружу. Утро серое и прохладное, и ты обнимаешь себя за плечи, чтобы хотя бы немного согреться на пути к туалету. Внутри ты проверяешь каждую кабинку и каждый душ. Они пусты. Стены сухие. В раковинах нет воды.

Ты выходишь на улицу и на полпути обратно замираешь, наклоняешь голову, пытаешься услышать девочек среди всего этого гудения и чириканья, среди плеска воды в озере в пятидесяти метрах отсюда.

Пустота.

Лагерь молчит.

На твои плечи давит одиночество. Ты вдруг задаешься вопросом, не уехал ли весь лагерь. Тебя могли забыть. Ты думаешь о самых ужасных вариантах развития событий. Люди покидают дома в спешке и тревоге, а ты спишь и ни о чем не знаешь.

Ты возвращаешься к коттеджам и кружишь среди них, прислушиваешься, чтобы понять, есть ли кто внутри. Их двадцать, они плотно заставили небольшую прогалину, на которой вырубил лес. Ты бродишь рядом, прекрасно понимая, что выглядишь просто смешно. На тебе только тонкая майка на бретелях и шорты, а к босым ногам прилипли грязь и сосновые иголки.

Каждый коттедж назван в честь дерева. Твой носит имя «Кизил». Рядом стоит «Клен». Ты читаешь названия и думаешь, куда же могли забрести девочки. Возможно, они решили у кого-то переночевать? Ты подглядываешь в окна, открываешь незапертые двери, внимательно рассматриваешь двухъярусные кровати со спящими девчонками: не забрался ли внутрь гость? В коттедже под названием «Голубая ель» ты случайно будишь одну девочку. Она вскакивает на нижней кровати и едва не кричит в голос.

– Извини, – шепчешь ты, закрывая дверь. – Извини, извини.

Ты пробираешься на другую сторону лагеря. Там обычно что-то происходит от рассвета и до сумерек. Сейчас, впрочем, рассвет не вступил в свои права и лишь розовеет тонкой полоской на горизонте. Единственное движение здесь – твои шаги по направлению к крепкой, приземистой столовой. Примерно через час воздух наполнится запахами кофе и жареного бекона. Но сейчас здесь свежо и тихо.

Ты пробуешь дверь. Она заперта.

Ты прижимаешь лицо к окну и видишь темную комнату. Стулья все еще стоят поверх длинных столов.

То же самое ждет тебя и в здании, где проводятся уроки ремесла.

Заперто.

Темно.

Через окно ты видишь полукруг мольбертов. На них незаконченные картины со вчерашнего урока. Ты работала над натюрмортом: ваза с полевыми цветами и миска с апельсинами. Теперь тебе кажется, что урок так и не продолжится, цветы останутся незавершенными, а в миске не появится фруктов.

Ты пятишься от здания, оборачиваешься и думаешь, что делать дальше. Справа – дорога, засыпанная гравием, по которой можно выбраться из лагеря и попасть через лес на шоссе. Ты бредишь в другую сторону, вглубь, где стоит монструозное деревянное здание – в самом конце закругляющейся дороги.

Это Особняк.

Ты и не рассчитываешь найти девочек там.

Особняк – это здание, в котором неуклюже смешались все стили. Он больше похож на поместье, чем на коттедж, и постоянно напоминает прочим обитателям лагеря о том, как убоги их собственные домики. Сейчас тут тихо и темно. Разгорающийся позади рассвет скрывает переднюю часть здания в тени. Ты почти не видишь витражные окна, фундамент из щебня и красную дверь.

Часть тебя хочет подбежать к ней и молотить до тех пор, пока Френни не ответит. Она должна знать, что девочки пропали. Она директор лагеря, в конце концов. Девочки – ее ответственность.

Ты остаешься на месте, потому что возможно, ты ошиблась. Возможно, ты не заметила самого очевидного объяснения. Возможно, девочки где-то прячутся, затеяв игру. Кроме того, ты собираешься ничего не говорить Френни до последнего.

Однажды ты ее уже разочаровала. Повторять не хочется.

Ты уже готова вернуться в заброшенный «Кизил», но вдруг замечаешь что-то позади Особняка. Это полоска рыжего света за лужайкой, расположенной на склоне.

Полуночное озеро отражает небо.

«Пожалуйста, будьте там. Пускай с вами все хорошо. Пускай я вас найду», – думаешь ты.

Девочек там, конечно, нет. Да и зачем им там быть? Ни одной рациональной причины. Ты думаешь, что тебе снится кошмар. Самый худший ночной кошмар, из-за которого ночью боишься сомкнуть глаза. Отличие одно – все происходит наяву.

Может быть, именно поэтому ты не останавливаешься, достигнув кромки воды. Ты идешь дальше, заходишь в воду, чувствуя под ногами гладкие камни. Вода доходит до щиколоток. Ты дрожишь – то ли от холода, то ли от страха. Он держит тебя за горло с тех пор, как ты впервые посмотрела на часы.

Ты крутишься вокруг своей оси, осматривая окрестности. Сзади стоит Особняк. Эта сторона освещена солнцем, и окна светятся розовым. Озеро простирается по обе стороны от тебя. Каменистое побережье с гнуцимися на ветру деревьями кажется бесконечным. Ты смотришь назад, на огромный массив. Вода подобна поверхности зеркала. Она отражает медленно плывущие облака и кусочек неба с гаснущими звездами. Озеро глубокое, несмотря на засуху. Впрочем, вода все-таки ушла, обнажив полосу гальки на берегу шириной в полметра, уже высохшую на солнце.

Рассвет позволяет тебе взглянуть в противоположный берег. Там по-прежнему темно и туманно. Лагерь, озеро, окружающий лес, – все это принадлежит семье Френни вот уже несколько поколений. Частная собственность.

Так много воды. Так много земли.

Так много мест, где легко пропасть.

Девочки могут быть где угодно. Ты приходишь к подобному заключению, стоя в воде и дрожа от холода. Они где-то там. Их можно искать сутками. Неделями. Возможно, их вообще никогда не найдут.

Сама мысль просто ужасна, но ты не можешь думать ни о чем другом. Ты представляешь, как они бредут по густой чаще, не зная направления, гадая, правда ли мох растет на северной стороне деревьев. Ты видишь их – голодных, напуганных, дрожащих. Видишь, что они под водой, опускаются в ил и не могут всплыть на поверхность.

Ты думаешь обо всем этом и начинаешь кричать.

Часть первая. Две правды

1

Я рисую девочек в одном и том же порядке.

Сначала Вивиан.

Потом Натали.

Эллисон идет последней. Несмотря на тот факт, что она вышла из коттеджа первой, а значит, формально исчезла тоже первой.

Картины обычно получаются большими, даже огромными. Размером с дверь амбара, шутит Рэндалл. Но девочки на них маленькие. Крошечные отметки на огромном тревожном полотне.

Они всегда приходят на втором этапе. Сначала я пишу землю и небо, используя оттенки с подходящими мрачными названиями кроваво-красный, аспидно-черный, свинцовый.

И конечно, кобальт. На моих картинах всегда есть место ночи.

А потом появляются девочки. Иногда они стоят вместе, иногда разбредаются по разным концам картины. Они одеты в белые платья, края которых всегда развеваются, будто девочки спасаются бегством. Они повернуты спиной к зрителю, так что мы видим только волосы, летящие, словно облако. Если я все-таки решаю написать лица, я едва набрасываю их профили, касаясь полотна одним росчерком.

Затем настает черед леса. Я наношу краску шпателем широкими, огромными мазками. Весь процесс занимает несколько дней. Иногда я пишу неделями, и мне становится дурно от запаха. Я использую много краски, накладываю слой за слоем, и картина обретает объем.

Я слышала, как Рэндалл хвастается потенциальным покупателям, мол, она пишет как Ван Гог, толщина слоев краски – два с половиной сантиметра. Я предпочитаю думать, что просто люблю изображать природу и поэтому не могу позволить себе создавать гладкие полотна. В лесу такого не бывает. Здесь валяются щепки коры. Тут – поросль мха на камнях. Землю укрывает слой листьев, которого хватило бы на две осени сразу. Именно это я пытаюсь написать, царапая, создавая неровности, выводя круги.

Я добавляю новые и новые мазки, и каждая картина размером в стену постепенно поддается темному лесу моего воображения. Лес густ. Туда нельзя ходить. Там опасно. Деревья нависают, они темные и выглядят угрожающе. Лианы не вьются, а скручиваются в пружины, превращаются в удавки. Понизу все заросло кустарником. За листвой не видно неба.

Я пишу до тех пор, пока на холсте не заканчивается место. Девочек к тому времени поглощает лес, и теперь они похоронены среди деревьев, лиан и листьев, они незаметны. И тогда я понимаю, что картина закончена, и ставлю подпись рукоятью кисти в правом нижнем углу.

Эмма Дэвис.

Это имя в таком же написании (его едва можно прочесть) теперь украшает стену галереи, приветствуя новых посетителей. Те проходят сквозь неуклюжие раздвижные ворота бывшего склада в районе Митпэкинг. Остальные стены завешаны картинами. *Мои*ми картинами. Их двадцать семь.

А это моя первая выставка.

Организуя вечеринку по случаю открытия, Рэндалл выложил на все сто. Он превратил здание в подобие городского леса. Стены цвета ржавчины, по залу расставлены срубленные в Нью-Джерси березовые стволы. На заднем плане едва слышна легкая электронная музыка. Освещение заставляет думать, что на дворе октябрь, хотя до Дня святого Патрика всего неделя, а на улице слякоть.

Галерея набита битком. Рэндалл постарался на славу. Тут есть коллекционеры, критики и обычные зеваки. Они толкаются, споря за место у картины, держат в руках бокалы шампанского и тянутся за канапе с грибами и козьим сыром. Меня уже представили десятку людей, и я мгновенно забыла их имена. Это важные люди. Важные настолько, что Рэндалл шепчет мне на ухо, кто они, пока я пожимаю им руки.

– Из «Таймс», – говорит он о даме, с головы до ног одетой в оттенки фиолетового.

О мужчине в безупречно сшитом костюме и красных кроссовках он шепотом произносит лишь одно слово: «Кристис».

– Впечатляет, – произносит мистер Кристис и кривовато мне улыбается. – Смелые полотна.

Его голос звучит удивленно, будто бы женщины на его памяти никогда не работали в смелой манере. А может, его сбил с толку тот факт, что в жизни я никакая не смелая. По сравнению с другими масштабными личностями из мира искусства я – серая мышка. Я не ношу фиолетовые наряды и яркую обувь. Сегодня я одета в маленькое черное платье и черные туфли на низком каблуке. И это по моим меркам очень нарядно. В остальное время я ношу штаны цвета хаки и заляпанные краской футболки. Единственное украшение, которое я ношу, – серебряный браслет с подвесками. Он сопровождает меня повсюду. С него свисают три маленькие птички из крашеного олова.

Однажды я рассказала Рэндаллу, что одеваюсь так просто, чтобы не затмевать свои картины. Я хочу, чтобы сияли они. На самом деле смелость что в характере, что в выборе одежды кажется мне бесполезной.

Вивиан была смелой.

Ей это не помогло. Вивиан исчезла.

Во время знакомства я широко улыбаюсь – так меня научил Рэндалл, – принимаю комплименты и скромно отвергаю вопросы о творческих планах.

Когда Рэндалл заканчивает знакомить меня с людьми, я смешиваюсь с толпой, но призываю себя не оглядываться в поисках заветного красного стикера, сигнализирующего о том, что картина продана. Я стою с бокалом шампанского в углу, и ветка свежесрубленной березы касается моего плеча. Я осматриваюсь, ищу знакомые лица. Их много, и я чувствую прилив благодарности. Странновато, конечно, видеть их в одном месте. Друзья из старшей школы, коллеги из рекламного агентства, художники, родственники, приехавшие на поезде из Коннектикута.

Все они мужчины, за исключением моей кузины.

И это не просто случайность.

Я оживляюсь, когда наконец, стильно опоздав, появляется Марк. Он гордо улыбается, обводя глазами галерею. Обычно он говорит, что ненавидит мир искусства, но вписывается он прекрасно. Он бородат, его волосы разметаны в художественном беспорядке, пиджак в клетку накинута поверх поношенной футболки с Микки-Маусом. Его красные кроссовки заставляют мистера Кристиса нервно курить в сторонке. Проходя сквозь поток людей, Марк хватается бокал шампанского и канапе и сразу начинает задумчиво жевать.

– Сыр спас ситуацию, – говорит он. – А вот грибы чудовищно водянистые.

– Я не пробовала, – отвечаю я. – Слишком волнуюсь.

Марк обнимает меня за плечи одной рукой, успокаивая. В художественной школе мы жили и учились вместе, и этому жесту он научился именно тогда. Каждому нужна тихая гавань, спокойный человек. Мою тихую гавань зовут Марк Стюарт. Он мой лучший друг, мой голос разума. Мой вероятный супруг. Правда, с последним есть определенные сложности: нам обоим нравятся мужчины.

А еще меня влечет к недоступным людям. И это снова не случайность.

– Ты ведь знаешь, что можешь и повеселиться для разнообразия?

– Угу.

– И ты должна собой гордиться. Не надо испытывать вину. Художник обязан вдохновляться жизнью. Это и есть творчество.

Марк, конечно, говорит о девочках, погребенных внутри каждого полотна. Только он один во всем свете знает об их существовании. Ну и я, конечно. Марк, впрочем, не в курсе одной вещи. Он не понимает, почему пятнадцать лет спустя я раз за разом продолжаю прятать девочек в каждом полотне.

Ему лучше не знать правды.

Я никогда не собиралась писать подобные картины. В художественной школе мне нравилась минималистичность цвета и формы. Я обожала банки с супом Энди Уорхола, флаги Джаспера Джонса, резкие квадраты и строгие черные линии Пита Мондриана. А потом нам задали написать портрет умершего знакомого.

Я выбрала девочек.

Сначала я изобразила Вивиан. В моей памяти она оставила огненный след. Светлые волосы будто из рекламы шампуня. Очень темные глаза, при правильном свете выглядевшие черными. Вздернутый нос, усыпанный веснушками, выступившими на солнце. Я нарядила ее в белое платье с викторианским воротником, подчеркивающим лебединую шею. Добавила загадочную улыбку. Именно с ней она покидала коттедж.

«Ты еще слишком мала для этого, Эм».

Следующей была Натали. Высокий лоб, квадратный подбородок, волосы убраны в конский хвост. На ее белом платье красуется маленький кружевной воротник, чтобы отвлечь внимание от объемной шеи и широких плеч.

И наконец, Эллисон. Эллисон всегда выглядела святошей. Тонкий нос, очаровательные щеки, брови на два тона темнее соломенных волос, тонкие и безупречные, будто нарисованные коричневым карандашом. Ее я облекла в гофрированный величественный воротник модели «мельничный жернов».

И все-таки с картиной было что-то не так. Что-то мучило меня до самой последней ночи перед сдачей. Я проснулась в два часа и почувствовала, что они смотрят на меня с противоположной стороны комнаты.

Я видела их. В этом и заключалась проблема.

Я вылезла из кровати и подошла к холсту. Схватила кисть, окунула ее в коричневую краску и провела линию поверх их глаз. Нарисовала ветку дерева, которая буквально их ослепила. Набросала силуэты сучьев. Потом – растения и лианы. Потом деревья. Все они скатывались с кисти на холст и будто расцветали. К рассвету холст был захвачен лесом. От Вивиан, Натали и Эллисон остались обрывки платьев, кусочки кожи и пряди волос.

Эта картина стала № 1 моей лесной серии. Девочки различимы только на ней. Я получила высшую оценку, когда объяснила смысл полотна наставнику. На выставке ее нет. Она висит в моем лофте и не продается.

Но почти все остальные находятся тут. Каждая занимает целую стену многокомнатной галереи. Я наконец вижу их вместе. Вижу скрюченные ветви и яркие листья и понимаю, что застряла на одной теме. Годами я писала одно и то же – и теперь нервничаю.

– Я и горжусь, – заверяю я Марка и отпиваю глоток шампанского.

Он опустошает свой бокал и берет следующий.

– Тогда что не так? Мне кажется, что ты *взвинчена*.

Марк произносит это слово высоким голосом с британским акцентом, пародируя Винсента Прайса из того ужасика. Я уже не помню названия, я знаю, что мы накурились марихуаны и смотрели его по телевизору, а потом смеялись до колик. Мы часто повторяем эту фразу.

– Да просто странно. *Все* странно.

Я указываю бокалом на картины, на людей перед ними, на Рэндалла, расцеловывающего красивую пару прямоиком из Европы. Они только пришли.

– Ничего такого я никогда не ожидала.

Я не скромничаю. Это правда. Если бы я стремилась сделать выставку, то хотя бы попыталась придумать названия картинам. Вместо этого я нумерую их по порядку. С первой по тридцать третью.

Рэндалл, галерея, эта сюрреалистическая вечеринка – все это случайность. Нужно место, нужно время. Кстати, за нужное место нужно винить Марка и его бистро в Вест-Виллидж.

В то время я вот уже четвертый год работала художником в рекламном агентстве. Мне это не нравилось, я не получала удовлетворения от работы, но могла оплачивать рассыпающийся на части лофт, в который влезали мои полотна. Бистро Марка залили соседи сверху, и ему понадобилось скрыть потеки воды на одной стене. Я одолжила ему «№ 8», потому что с его помощью можно было закрыть почти всю пострадавшую поверхность.

А нужный момент настал неделю спустя. Владелец небольшой галереи неподалеку зашел к Марку пообедать. Он увидел картину, заинтересовался и спросил Марка про художника.

В результате другое полотно – «№ 7» – было выставлено в галерее. Его продали за неделю. Владелец галереи попросил еще. Я отдала ему три штуки. Одна из картин, под счастливым номером 13, привлекла внимание молодой любительницы искусства. Она запостила фотографию с картиной в Инстаграме, и ту заметила ее работодатель – актриса, известная законодательница трендов. Актриса купила картину и повесила ее у себя в столовой. Один из ее друзей, редактор «Вог», увидел картину во время маленькой вечеринки и рассказал о ней своему кузену по имени Рэндалл, владельцу большой престижной галереи. Именно он сейчас бродит по залам и обнимает всех встречаемых.

При этом ни Рэндалл, ни актриса, ни даже Марк не подозревают о том, что я больше ничего не создала. В голове автора полотен не осталось ни идей, ни вдохновения. Я пыталась написать что-то еще, подгоняемая чувством долга, но не вдохновением. Но я никак не могу продвинуться дальше. Каждый раз я снова рисую девочек.

Знаю, что так не может продолжаться вечно. Я не могу писать их и терять в лесу раз за разом. Я поклялась, что продолжения у серии не будет. Ни «№ 34», ни, упаси боже, «№ 112» не появятся на свет.

Именно поэтому я не знаю, что отвечать на вопрос о творческих планах. У меня нет ответа. Мое будущее почти буквально представляет собой чистый холст, ждущий, пока его чем-то заполнят. Последние полгода я использовала краски только для того, чтобы выкрасить валиком стены своей квартиры – из ярко-желтого, как одуванчик, в голубой, как яйца малиновки.

И если я чем-то взвинчена, то ответ известен. Я автор одного хита. Смелая художница, вся работа которой висит на этих стенах.

Марк покидает меня, чтобы поболтать с симпатичным официантом, и я становлюсь беззащитна. Рэндалл тут же хватается меня за запястье и тащит к стройной женщине, рассматривающей «№ 30», мою самую большую работу. Я не вижу лица женщины, но я понимаю, что она исключительно важная персона. Всех остальных гостей подвели ко мне.

– А вот и она, дорогая, – объявляет Рэндалл. – Сам автор.

Женщина поворачивается и смотрит на меня зелеными глазами. Я не видела их пятнадцать лет, но узнаю мгновенно. Этот взгляд, когда он направлен на тебя, заставляет ощущать свою значимость.

– Привет, Эмма, – говорит она.

Я замираю, не зная, что сказать. Я понятия не имею, что она собирается делать, почему она здесь. Я думала, что Франческа Харрис-Уайт не хочет иметь со мной ничего общего.

И все-таки она тепло улыбается и притягивает меня поближе к себе. Наши щеки соприкасаются. Рэндалл явно завидует:

– Так вы знакомы?

– Да, – отвечаю я, по-прежнему ошеломленная тем, что Франческа пришла.

– Сто лет назад. Эмма была ребенком, а сейчас, только посмотрите, расцвела в прекрасную женщину. Я так ею горжусь.

Она снова смотрит на меня *тем самым* взглядом. Я все еще удивлена, но вдруг понимаю, что просто счастлива ее видеть. Я никогда не думала, что подобное случится.

– Благодарю вас, миссис Харрис-Уайт, – говорю я. – Благодарю за добрые слова.

Она притворно сердится:

– Какая еще «миссис Харрис-Уайт»? Френни. Просто Френни.

И это я тоже помню. Она стоит перед нами в шортах цвета хаки и голубой рубашке поло. Ее огромные походные ботинки смешно увеличивают ноги. «Зовите меня Френни. Я настаиваю. Мы на природе. Мы все равны».

Но это продлилось недолго. В конце концов, когда то происшествие оказалось во всех газетах страны, журналисты использовали ее полное имя. Франческа Харрис-Уайт. Единственная дочь магната сферы недвижимости Теодора Харриса. Единственная внучка царя лесоповала Бьюканана Харриса. Юная вдова наследника табачной империи Дугласа Уайта. Ее активы оценивались почти в миллиард, большая часть уходила корнями в Позолоченный век.

И вот теперь она стоит передо мной. Время ее пощадило, ведь ей должно быть за семьдесят. Возраст ей к лицу. Она загорела и светится изнутри. Голубое платье без рукавов подчеркивает аккуратную фигуру. Волосы – прекрасного оттенка, блонд мешается с сединой. Они собраны в низкий пучок и открывают нитку жемчуга на ее шее.

Френни снова поворачивается к картине и скользит взглядом по огромной поверхности. Это одна из моих самых мрачных работ – в ней преобладают черный, темно-синий, грязно-коричневый цвета. Рядом с картиной Френни выглядит маленькой, будто сама потерялась в лесу и сдалась на милость деревьев.

– Она чудесна. Все они чудесны.

В ее голосе чувствуются неуверенность и волнение, будто она каким-то образом разглядела девочек в белых платьях за валежником и кустами.

– Должна признаться, что использовала предлог для встречи, – говорит она, все еще рассматривая картину, будто не в силах отвести от нее взгляд. – Конечно, я захотела посмотреть на картины, но дело не только в этом. У меня есть интересное предложение.

Наконец она отворачивается от картины и смотрит на меня пронзительными зелеными глазами.

– Я бы хотела обсудить его с тобой, если найдется минутка.

Я бросаю взгляд на Рэндалла. Он стоит рядом с Френни, но на почтительном расстоянии, и произносит одними губами: «Заказ». Желанное слово для любого художника.

Я отвечаю:

– Конечно.

В любой другой ситуации я бы отказалась.

– Давай завтра встретимся на ланч. В половину первого у меня? Как раз и поболтаем.

Я киваю, хотя не очень понимаю, что происходит. Френни появилась из ниоткуда. Она приглашает меня на ланч. Возможно, она закажет мне картину. Меня пугает и зачаровывает эта мысль. И без того сюрреалистичный вечер становится еще более странным.

– Конечно, – повторяю я, не в силах произнести что-то еще.

Френни расцветает в улыбку:

– Чудесно.

Она протягивает мне визитку. Синие буквы отпечатаны на плотной белой бумаге. Просто и элегантно. На карточке – имя, телефон и адрес на Парк-Авеню. Перед уходом она еще

раз легонько приобнимает меня. Потом поворачивается к Рэндаллу, показывает на «№ 30» и говорит:

– Я возьму ее.

2

Здание, в котором живет Френни, найти несложно. Оно носит семейное имя.

Харрис.

Подобно своим обитателям, Харрис не привлекает лишнего внимания. Тут нет изысканных окон и завитушек. Простая классика, вознесшаяся над Парк-Авеню. Над входом висит мраморный герб Харрисов. На нем изображены две сосны, скрещенные в форме буквы Х. Вокруг них лавровый венок. Подходящий герб, ведь изначально семья сделала состояние на вырубке леса.

Внутри здания мрачно и тихо, будто в соборе. Я чувствую себя грешником, на цыпочках заходящим внутрь, самозванцем, чужаком. Но привратник улыбается и называет меня по имени. Будто я живу тут не первый год.

Мне любезно показывают, где найти лифт. Внутри я вижу еще одну знакомую из лагеря «Соловей».

– Лотти? – спрашиваю я.

В отличие от Френни, она сильно изменилась за последние пятнадцать лет. Немного постарела, стала более утонченной. В последний раз я видела ее в рубашке в клетку и шортах. Сегодня она одета в угольный брючный костюм и белоснежную блузку. Она носила длинные волосы и красила их в оттенок «красное дерево». Сейчас они иссиня-черные, а стрижка изящно обрамляет бледное лицо. Впрочем, улыбка не поменялась ни капли. Она по-прежнему светится дружелюбием.

– Эмма. – Лотти обнимает меня. – Как же здорово тебя видеть.

Я обнимаю ее в ответ.

– Лотти, это взаимно. Я не знала, работаешь ли ты на Френни до сих пор.

– Она не смогла от меня избавиться. Да и не то чтобы сильно хотела.

Это правда, их редко видели поодиночке. Френни возглавляла лагерь, а Лотти была ее преданной помощницей. Вместе они правили при помощи пряника и никогда не использовали кнут. Их терпение было бесконечно, даже когда к ним приехала я – с большим опозданием. Я до сих пор помню встречу с Лотти. Она не спеша вышла из Особняка. Мы с родителями опоздали на несколько часов, но она все равно улыбнулась, помахала рукой и сказала заветное: «Добро пожаловать в лагерь «Соловей».

Сейчас я захожу в лифт, а Лотти нажимает кнопку верхнего этажа. Мы устремляемся к небу.

– Вы с Френни встретитесь в оранжерее, – говорит Лотти. – Ты просто ахнешь.

Я киваю, притворяясь, будто жду этого с нетерпением. Лотти видит меня насквозь. Она осматривает меня с ног до головы, замечает, что я напрягаю спину, притопываю ногой и иногда забываю о том, что нужно улыбаться.

– Не волнуйся, – говорит она. – Френни давно тебя простила.

Свежо предание, да верится с трудом. В галерее Френни была само дружелюбие, но все равно меня терзают сомнения. Я не могу избавиться от чувства, что за этим всем кроется нечто большее, чем простой визит вежливости.

Двери лифта открываются, и я вижу вход в пентхаус Френни. На стене напротив уже висит картина, которую она купила накануне. Франческа Харрис-Уайт выше красных стикеров и недель ожидания. Рэндалл, наверное, всю ночь потратил на доставку.

– Замечательно, – говорит Лотти, глядя на «№ 30». – Я понимаю чувства Френни.

Мне интересно, что почувствовала бы Френни, узнав, что девочки спрятаны внутри картины, что они ждут, пока их кто-то найдет. Потом мысли обращаются к девочкам. Что бы они

подумали, узнав, что теперь живут в пентхаусе Френни? Эллисон и Натали было бы все равно. Но Вивиан? О, она пришла бы в полный восторг.

– Я планирую взять выходной и сходить посмотреть твои картины, – говорит Лотти. – Я так горжусь тобой, Эмма. Мы все гордимся тобой.

Она ведет меня по коридору налево. Мы проходим строгую столовую, идем по вдающейся вглубь этажа гостиной.

– А вот и оранжерея.

Да, это явное преуменьшение. Можно, конечно, назвать Центральный вокзал Нью-Йорка железнодорожной станцией, но вообще это место трудно описать словами.

Оранжерея Френни – в реальности небольшой двухэтажный ботанический сад, устроенный на месте террасы. Стекло поднимается от пола до потолка, и снаружи в уголках рамы кое-где еще лежит снег. Внутри этой изящной конструкции заключен миниатюрный лес. Тут стоят сосны, цветет вишня, а розовые кусты уже выставили напоказ бутоны. Пол выстлан мхом и побегами плюща. Внутри есть даже говорливый ручеек, текущий по руслу, выложенному камнями. В центре сказочного леса расположен дворик, выложенный кирпичом. Именно там и сидит Френни за кованым столом, накрытым для ланча.

– Она пришла, – говорит Лотти. – Мне кажется, она умирает с голоду. Так что я несу еду. Френни приветствует меня новым полуобъятием.

– Как замечательно, что ты согласилась, Эмма. И как красиво ты одета!

Я понятия не имела, что надеть, и в итоге остановилась на самой дорогой вещи в своем гардеробе – узорчатом платье с запахом от Дианы фон Фюрстенберг. Оказывается, мне не надо было волноваться о том, что я буду одета слишком просто. Сейчас, стоя рядом с Френни, одетой в черные брюки и белую блузку с глухим воротом, я ощущаю ровно противоположное. Я чувствую себя скованно, кажусь себе неуместно нарядной, меня гложет лихорадочное желание узнать, зачем я здесь оказалась.

– Как тебе моя оранжерея? – спрашивает Френни.

Я еще раз осматриваюсь и обращаю внимание на детали. Статуя ангела, почти поглощенная плющом. Рядом с ручьем цветут нарциссы.

– Прекрасно, – говорю я. – Даже словами описать сложно.

– Это мой оазис внутри большого города. Много лет назад я решила, что раз мне не жить на природе, пусть природа живет со мной.

– И именно поэтому вы купили мою самую большую картину.

– Именно. Я смотрю на нее и чувствую, будто стою перед темным лесом, будто должна решить, идти мне вглубь или нет. Ответ, разумеется, положительный.

Я согласна с ней. Но в отличие от нее, я пошла бы в лес только потому, что знаю: девочки ждут меня за деревьями.

Ланч состоит из форели в миндале и салата с рукколой. Пьем мы яркий волнующий рислинг. Первый бокал вина успокаивает меня. Второй – делает беззащитной. К третьему Френни расспрашивает меня про работу, личную жизнь и семью, и я отвечаю совершенно честно. Ненавижу, не замужем, родители вышли на пенсию и живут в Бока-Ратоне.

– Было очень вкусно, – говорю я после десерта.

Лимонный торт был просто шикарен, и мне хочется облизать тарелку.

– Прекрасно, – говорит Френни. – Форель, кстати, поймали в Полночном озере.

Упоминание озера меня удивляет. Френни быстро замечает это:

– Я считаю, что мы можем с теплом вспоминать любые места. Даже те, где случилось что-то плохое. Во всяком случае, я поступаю именно так.

Чувства Френни вполне понятны. Это собственность ее семьи, тысяча семьсот гектаров нетронутой природы у южного подножия Адирондака. Дедушка Френни сохранил эту землю, хотя всю жизнь вырубал деревья и опустошил по меньшей мере в пять раз большую площадь.

Я думаю, Бьюканан Харрис считал, что таким образом спасает свою душу. Возможно, так оно и случилось. Хотя сохранение природы не обошлось без курьезов. Харрис никак не мог найти подходящий участок, ему хотелось, чтобы на нем было огромное озеро. В итоге он создал озеро сам. Построил на близлежащей реке дамбу и закрыл ворота ровно в полночь. Стоял канун нового, 1902-го, года. За несколько дней тихая долина превратилась в озеро.

Такова история Полуночного озера. Ее рассказывали каждому прибывшему в лагерь «Соловей».

– Там ничего не изменилось, – продолжает Френни. – Особняк на месте. Сама понимаешь, мой второй дом. Я была там на прошлых выходных, и так ко мне попала форель. Я поймала ее сама. Мальчики, конечно, расстроены, что я езжу туда так часто. Особенно если беру только Лотти. Тео волнуется, потому что там никого нет. А вдруг случится что-то ужасное?

Услышав про сыновей Френни, я снова испытываю неприятные эмоции.

Теодор и Честер Харрис-Уайты. Даже имена у них очень белые, англосаксонские и протестантские. Они предпочитают сокращения, наверное, научились от матери. Тео и Чет. Чет младше, и я плохо его помню. Когда я была в лагере «Соловей», ему едва исполнилось десять. Он был неожиданно и поздно усыновлен. Не помню, чтобы я с ним говорила, хотя наверняка должна была. Сохранились только обрывочные воспоминания о том, как он босиком бегал по лужайке от Особняка к берегу озера.

Тео тоже усыновили, но за много лет до Чета.

Про него я помню многое, возможно даже слишком.

Френни смотрит на меня выжидательно.

– Как они? – спрашиваю я, хотя не имею никакого на то права.

– Все отлично. Тео уже год живет в Африке, он работает с «Врачами без границ». Чет весной получает магистерскую степень в Йеле. Он обручен с прекрасной девушкой.

Френни делает паузу, чтобы я восприняла информацию. Молчание очень красноречиво. Ее семья процветает несмотря на то, что я с ними сделала.

– Я думала, что ты в курсе. Кстати, виноградник в лагере уцелел.

– Я ни с кем не общаюсь, – отвечаю я.

Не то чтобы девчонки не пытались возобновить отношения. Когда в моду вошел Фейсбук, я получила несколько запросов в друзья – и проигнорировала все. Я решила, что поддержание отношений лишено какого бы то ни было смысла. У нас не было ничего общего. Мы провели две недели в одном месте в очень неподходящее время. Тем не менее меня включили в группу выпускников лагеря «Соловей». Все оповещения я отключила много лет назад.

– Возможно, стоит это изменить, – говорит Френни.

– Но как?

– Думаю, пора рассказать, зачем я тебя сегодня пригласила. Разумеется, мы прекрасно пообщались, но у меня есть еще одна причина.

– Признаюсь, мне любопытно, – говорю я, сильно преуменьшая свои чувства.

– Я собираюсь вновь открыть лагерь «Соловей», – провозглашает Френни.

– Вы думаете, это хорошая идея? – случайно выпаливаю я. Мои слова холодны и жестоки. – Простите. Я не это имела в виду.

Френни наклоняется и сжимает мою руку:

– Не волнуйся. Все так реагируют. Я готова признать, что это не очень логично. Но мне кажется, время пришло. В лагере так давно стоит тишина.

Пятнадцать лет. Хотя мне кажется, что прошла пара веков. Или что все случилось вчера.

Тем летом лагерь закрылся рано, проработав только две недели. Жизни многих людей превратились в хаос, но делать было нечего. Он не мог функционировать после того, что случилось. Мои родители и злились, и пытались сочувствовать. Они забрали меня на день позже. Я приехала последней и уезжала тоже последней. Я помню, как сидела в нашем «Вольво» и смотрела

рела, как лагерь остается позади. Даже в возрасте тринадцати лет я понимала, что его никогда не откроют.

Любой другой лагерь пережил бы разбирательства. Но «Соловей» был тем местом, куда ты сдавал детей, живя на Манхэттене и располагая деньгами. Поколения девушек из зажиточных семей плавали, ходили под парусом и сплетничали в лагере «Соловей». Туда ездила моя мама. В моей школе его называли «Лагерь богатых сучек». Мы говорили так, втайне завидуя и грустя, что родители не могут нас туда отправить. В моем случае я попала туда только однажды.

В то самое лето, которое разрушило его репутацию.

Замешанные в историю люди были достаточно известными для того, чтобы лагерь не сходил со страниц газет весь остаток лета и добрую часть осени. Натали была дочкой лучшего хирурга-ортопеда в городе. Мама Эллисон – выдающаяся бродвейская актриса. Отец Вивиан, сенатор, часто попадал в газеты, и не в выигрышном свете.

Меня пресса оставила в покое. По сравнению с остальными я была никем. Отец – инвестиционный банкир-неудачник. Мать – высокофункциональный алкоголик. Неловкая тринадцатилетка, у которой только что умерла бабушка, оставившая нужную сумму, чтобы провести полтора месяца в одном из самых элитных летних лагерей страны.

Именно на Френни обрушилась пресса. Франческа Харрис-Уайт, богатая девчонка, отказывавшаяся играть по правилам и ставившая в тупик все светские хроники. В двадцать один она вышла замуж за ровесника отца. Тот умер, когда ей еще не исполнилось и тридцати. В сорок лет она усыновила ребенка. В пятьдесят – еще одного.

Журналисты обошлись с лагерьем очень жестоко. В своих статьях они писали, что Полуночное озеро опасно для детей, ведь муж Френни утонул в нем за год до открытия лагеря. Также утверждали, что в лагере не хватало рабочих рук и контроля. Аналитики винили Френни за то, что она поддержала сына, когда подозрение пало на него. Кто-то намекал, что дело нечисто в целом, что проблема кроется в семье Френни и в ней самой.

Наверное, я имела к этому отношение.

Да ладно, к черту. Я приложила к этому руку.

И все-таки Френни совсем не сердится. Она сидит в своем зачарованном лесу и рассказывает про новый лагерь:

– Конечно, он не будет таким же. Мы не можем себе этого позволить. Прошло пятнадцать лет, но та трагедия всегда будет висеть над лагерьем. Поэтому я сделаю все по-другому. Я устрою благотворительную организацию. Родителям не придется платить ни цента. Лагерь будет бесплатным, оцениваться будут лишь заслуги девочек. Набирать будем среди жителей Нью-Йоркской агломерации.

– Это очень щедрая затея.

– Я не хочу чужих денег, да они мне и не нужны. Я хочу, чтобы там снова жили девочки. И я была бы счастлива, если бы ты ко мне присоединилась.

Я тяжело сглатываю. Я? Лето в лагере «Соловей»? Да уж, совсем не похоже на картину на заказ. Предложение настолько странное, что я думаю, что ослышалась.

– На самом деле все вполне логично, – говорит Френни. – Я хочу, чтобы в лагере преподавались искусства. Да, девочки будут плавать и ходить в походы, все как обычно. Но мне также хотелось бы, чтобы они изучали литературное мастерство, фотографию и живопись.

– Вы хотите, чтобы я преподавала живопись?

– Разумеется, – говорит Френни. – И у тебя останется куча времени на свои работы. Природа – лучшее вдохновение.

Я не понимаю, зачем я нужна Френни. Она должна меня ненавидеть. Френни чувствует мою неуверенность. Думаю, это очень легко. Я сижу в кресле, будто кол проглотила, и тереблю в руках салфетку, закручивая ее в спираль.

– Я вполне понимаю твою тревогу, – говорит она. – Будь я на твоём месте, я испытывала бы то же самое. Но я не виню тебя в случившемся, Эмма. Ты была маленькая, ты испугалась, да и сама ситуация – хуже не придумаешь. Кто старое помянет, тому глаз вон. Мне очень хочется, чтобы в лагере были выпускники. Так мы покажем всем, что это хорошее, безопасное место. Мое предложение уже приняла Ребекка Шонфельд.

Бекка Шонфельд, знаменитый фотожурналист. Фотография двух сирийских беженцев в крови, держащихся за руки, облетела обложки журналов по всему миру. Бекка была с нами в то последнее лето.

Она, конечно, избегала меня на Фейсбуке, хотя я и не стремилась к общению. Бекка всегда была для меня загадкой. Холодная, замкнутая, отстраненная – но не позер. Она проводила время в одиночестве и наблюдала за миром через объектив камеры, вечно болтавшейся у нее на шее – даже посреди озера.

Я представила, что она сидит на моем месте. Что камера снова висит у нее на шее. Что Френни убеждает ее вернуться в лагерь «Соловей». Ее согласие поменяло мою точку зрения. Я перестала считать идею Френни блажью. Я поняла, что она вполне может реализоваться. Хотя, конечно, без меня.

– Это слишком большое обязательство, – говорю я.

– Разумеется, твой труд будет щедро оплачен.

– Дело не в этом, – Я продолжаю терзать салфетку, которая уже напоминает веревку. – Я не думаю, что смогу туда вернуться. После всего, что случилось.

– Так, может быть, тебе *стоит* вернуться, – замечает Френни. – Я тоже этого боялась. Два года туда не ездила. Я думала, что найду там лишь мрак и страшные воспоминания. Но все оказалось не так. Там по-прежнему очень красиво. Природа способна исцелить душу, Эмма. Я твердо в этом уверена.

Я молчу. Сложно говорить, когда взгляд Френни прикован к тебе. Когда в ее зеленых глазах отражаются напряжение, сострадание и нужда.

– Пообещай, что подумаешь.

– Хорошо, – отвечаю я.

3

Я не просто думаю, я почти схожу с ума.

Предложение Френни занимает все мои мысли до конца дня. Но я размышляю не об этом. Я не ищу причины вернуться, я ищу предлоги, чтобы не возвращаться. Я чувствую вину, от которой так и не смогла избавиться за пятнадцать лет, и привычную тревогу. Все это продолжает вертеться у меня в голове во время ужина с Марком в его бистро.

– Поезжай, – говорит он, ставя передо мной тарелку с рататутем.

Это мое любимое блюдо. Оно источает аромат помидоров и трав Прованса. В обычной ситуации я бы не тратила ни мгновения. Но предложение Френни испортило мне аппетит. Марк чувствует это и ставит рядом с тарелкой большой бокал, почти до краев наполненный пино нуар.

– Я думаю, поездка пойдет тебе на пользу.

– А вот мой психотерапевт с тобой бы не согласился.

– Не думаю. Это же типичная ситуация, когда надо закрыть гештальт.

Видит бог, это мне необходимо. В течение полугода все девочки были официально похоронены – каждая в тот момент, когда семья наконец оставляла последнюю надежду. Сначала Эллисон. Все было очень пафосно. Натали, как всегда, посередине, тихие семейные похороны. Вивиан шла последней. Я была там, холодным январским утром. Родители мне запретили, но я все равно пошла, прогуляв школу. Я забилась в церковь, спрятавшись подальше от плачущих родителей Вивиан. На службе было столько сенаторов и конгрессменов, что у меня возникло чувство, будто я смотрю государственный телеканал.

Мне не помогло. Я прочитала о службах Эллисон и Натали в интернете, но и это не ничего не дало. Ведь был шанс, что они остались живы. Мне было все равно, что штат Нью-Йорк официально признал их мертвыми спустя три года. Но их тел не нашли, поэтому мы точно не знали, что с ними произошло.

– Думаю, дело не в этом, – говорю я.

– Так *в чем дело*, Эм?

– В лагере «Соловей» бесследно исчезли три человека. *Ясно?*

– Ясно, – отвечает Марк. – Но я чувствую, что ты что-то недоговариваешь.

– Ну ладно, ладно, – я выпускаю тяжелый вздох прямо в тарелку, и стол заволакивает паром. – За последние полгода я ничего не написала.

Марк пораженно смотрит на меня, будто не верит сказанному:

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Значит, ты зашла в тупик.

– Хуже.

Я рассказываю ему все. Говорю, что могу писать только девочек. Что отказываюсь терять их в битве с лесом и диким плющом. Что я смотрю на белый холст день за днем и пытаюсь создать что-то еще.

– Ну хорошо, ты помешалась на этой теме.

– Именно, – отзываюсь я и делаю большой глоток из бокала с вином.

– Не хочу показаться бесчувственным. И обесценивать твои эмоции не хочу. Я понимаю, твои ощущения – это твои ощущения. Я не понимаю другого. Почему спустя пятнадцать лет тебя преследует случившееся в лагере? Ты же толком и не знала этих девочек.

Мой психотерапевт говорит то же самое. Да и как будто я не в курсе, что очень странно фиксироваться на событиях пятнадцатилетней давности. Я была знакома с ними всего две недели.

- Мы *дружили*. Мне плохо от того, что с ними случилось.
- Тебе плохо, или ты чувствуешь себя виноватой?
- И то, и то.

Я последняя видела их. Я могла остановить их, сказать, чтобы они не ходили туда, куда собрались, чтобы они не делали этого. Я могла доложить Френни или вожатой сразу после того, как они ушли. А я пошла спать. Я до сих пор помню слова Вивиан, они звучат у меня в голове.

«Ты еще слишком мала для этого, Эм».

- И ты боишься, что почувствуешь себя еще хуже, если примешь предложение Френни.

Вместо ответа я тянусь за бокалом, и в вине возникает мое трепещущее отражение. Я утыкаюсь в себя взглядом, пораженная. Неужели я и правда кажусь настолько грустной? Должно быть, да. Марк смягчается и говорит:

- Это естественно. Твои друзья погибли.
- Исчезли.
- Но они *мертвы*, Эмма. Ты же знаешь это? Самое худшее уже произошло.
- Есть кое-что похуже смерти.
- И что это?
- Неведение, – отзывается я. – Именно поэтому я рисую девочек. Но я больше не могу.

Мне нужно жить дальше.

У меня есть еще несколько секретов. Марк знает основное, но многие детали я от него скрыла. Подробности о том, что происходило в лагере. То, что случилось после. Причину, по которой я всегда ношу браслет с птичками, стучащими друг о друга, если я двигаю рукой. Я не могу произнести все это вслух, потому что не хочу встречаться лицом к лицу с правдой.

Наверное, кто-то скажет, что я вру Марку. И всем остальным. Но после двух недель в лагере «Соловей» я поклялась никогда больше не лгать.

Я использую совершенно другую тактику. Я недоговариваю.

- Тем более стоит поехать. – Марк тянется ко мне и сжимает мои руки в своих.

Его ладони покрыты мозолями, а пальцы исчерчены шрамами. Так выглядят руки человека, который всю жизнь проработал поваром.

– Возможно, именно там ты поймешь, как начать писать что-то еще. Ты же знаешь, что иногда нужно пройти по всем кругам ада, чтобы выбраться наружу.

После ужина я возвращаюсь в лофт и стою перед пустым холстом. Его белизна расстраивает меня вот уже несколько недель. На холсте пустота, призывающая меня ее заполнить.

Я беру старую грязную палитру. Смешиваю краску, окунаю кончик кисти и заставляю себя нарисовать хоть что-нибудь. Что угодно, но не девочек. Я прикасаюсь к холсту. Ворсинки оставляют след.

Я отхожу на шаг назад и смотрю на мазок. Он желтый и слегка закругленный, похож на расплюсченную букву S. Я понимаю, что это изгиб волос Вивиан, они развеваются по ветру, потому что она бежит. Ошибиться невозможно.

Я хватаю тряпку, пропахшую терпентином, и вытираю желтую краску до тех пор, пока от нее не остается лишь неясное пятно. Из моих глаз текут слезы. За последние месяцы я написала пятно.

Это просто жалко. *Я* жалкая.

Я вытираю глаза и замечая что-то краем глаза. Окно. Движение. Вспышка.

Светлые волосы. Бледная кожа.

Вивиан.

Я вскрикиваю и роняю тряпку, хватаюсь за браслет пальцами правой руки, прокручиваю его, и птички отправляются в полет. Я оборачиваюсь, чтобы увидеть Вивиан.

Это не она.

Это мое отражение в темном окне. Я выгляжу напуганной, слабой и забитой.

Я потрясена. Потрясена, потому что девочки никогда не покидают моих мыслей и моих картин, несмотря на то что смысла в этом нет никакого. Спустя пятнадцать лет у меня все та же информация. После исчезновения девочек я всем сделала хуже: Френни, ее семье, себе самой.

Я наконец-то могу все изменить. Даже малейшая зацепка мне поможет. Она не отпустит мне грехи, но я наконец смогу с ними жить.

Я отворачиваюсь от окна, беру телефон и набираю номер, напечатанный на элегантной визитке Френни. Попадаю на автоответчик. Лотти предлагает мне оставить сообщение.

– Это Эмма Дэвис. Я подумала над предложением Френни провести лето в лагере «Соловей». – Я делаю паузу, не веря, что произнесу вслух следующую фразу. – Я согласна.

Я сбрасываю, чтобы не передумать. И мне все равно хочется позвонить и отказаться. Я вожу пальцем по экрану, но звоню Марку.

– Я еду в лагерь.

– Рад, что сумел тебя уговорить. Закрывать гештальт – неплохая задача, Эм.

– Я хочу их найти.

Марк молчит. Я представляю, как он несколько раз моргает и запускает руку в волосы. Он всегда так делает, когда растерян.

– Я знаю, что сам говорил, что ты должна поехать, но вот это не лучшая мысль.

– Именно поэтому я еду.

– Послушай, давай мыслить логически. Что ты собираешься найти?

– Не знаю. Наверное, ничего.

Уж конечно я не найду Вивиан, Натали и Эллисон. Они буквально исчезли без следа, поэтому я даже не знаю, где начинать искать. Кроме того, территория просто огромна. Да, сам лагерь небольшой, но его окружают земли Харрисов. Шестнадцать квадратных километров лесов. Пятнадцать лет назад девочек искали сотни людей. Мне нечего противопоставить этому числу, я их не найду.

– Но вдруг они что-то оставили? Вещь, намек? Чтобы можно было понять, куда они собираются и зачем.

– Даже если и так. Их все равно не вернешь.

– Я понимаю.

– А у меня еще вопрос. Зачем тебе все это?

Я молчу, думая, как объяснить необъяснимое. Это непросто, ведь Марк не знает полной версии событий.

– Ты когда-нибудь жалел о поступке неделями и годами?

– Конечно, – отвечает Марк. – Я думаю, все сожалеют о чем-то.

– Я сожалею о произошедшем. Пятнадцать лет я ждала намека. Подсказки. Объяснения, что с ними случилось. Теперь я могу поехать туда сама и найти ответы. Если я откажусь от этого предложения, я буду сожалеть и о нем.

Марк вздыхает. Это значит, что я его убедила.

– Пообещай не делать глупостей, – говорит он.

– Например?

– Ну, например, не рискуй понапрасну.

– Это летний лагерь. Я не внедряюсь в мафию. Я поеду туда, осмотрюсь, задам пару вопросов. И возможно, спустя полтора месяца узнаю, что с ними случилось. Даже если нет, мне нужно туда поехать. Я хочу писать что-то новое. Ты сам сказал, что иногда нужно пройти все круги ада.

– Хорошо, – снова вздыхает Марк. – Планируй поездку. Найди ответы. Возвращайся и пиши.

Мы прощаемся, и я бросаю взгляд на свою первую картину, на которой Вивиан, Натали и Эллисон еще видны. Я подхожу поближе, смотрю на волосы и платье.

Ветка скрывает их глаза, но я знаю, что они смотрят на меня. Они все это время знали, что я вернусь в лагерь. Мне трудно понять, что они хотят мне сказать. Мне нужно ехать? Или они умоляют меня остаться?

Пятнадцать лет назад

– Солнышко, вставай.

На часах было восемь утра. В комнату вошла мать. Ее глаза блестели от первой за день «Кровавой Мэри», а губы скривились в улыбку. Я знала ее и называла про себя «ухмылка матери года». Так мать улыбалась, когда собиралась сделать что-то важное. Я же принималась нервничать. Дело в том, что ее добрые намерения далеко не всегда приводили к чему-то хорошему. В то утро я свернулась клубком и приготовилась общаться с матерью.

– Ты готова?

– К чему?

Мать уставилась на меня и поправила воротник платья:

– К лагерю, конечно.

– Какому лагерю?

– *Летнему.*

Она выделила это слово, и я поняла, что уеду надолго.

Я села на кровати и откинула одеяло:

– Ты не говорила мне про лагерь.

– Говорила, Эмма. Несколько недель назад. Мы с тетей Джули туда ездили. Только не говори, что забыла!

– Я не забыла.

Я бы точно запомнила такие прекрасные новости, означавшие, что я не увижу друзей до конца лета. Похоже, мать только собиралась сказать мне, а в ее мире намерение приравнялось к действию. Но я все равно чувствовала, что попала в ловушку. Я вдруг вспомнила те случаи, когда родители сдают своих детей-наркоманов в лечебницу.

– Я повторяю. Где твой чемодан? Нам выезжать через час!

– *Час?*

У меня даже живот подвело. Все летние планы накрылись. Никакого безделья вместе с Хизер и Мариссой. Никаких тайных незапланированных побегов на Кони-Айленд на электричке. Никакого флирта с Ноланом Каннингемом, живущим по соседству. Он, конечно, не такой крутой, как Джастин Тимберлейк, но вообще-то очень ничего. Да и к тому же он стал обращать на меня внимание. Какое счастье, что я больше не ношу брекеты.

– Куда мы едем?

– В лагерь «Соловей».

Лагерь богатых сучек. Сюрприз на сюрпризе.

Но это многое меняло.

Я два года просила родителей послать меня туда, и мне отказывали. И вот теперь, потеряв надежду, я вдруг получила желаемое. Через час. Понятно, зачем тут улыбка матери года. Кстати, по праву.

Но я все равно не стала показывать, что ужасно довольна. Это подбодрило бы ее, и мы бы снова начали наверстывать упущенное. Чаепитие в отеле «Плаза». Шопинг в «Закс». Что угодно, чтобы заглушить ее стыд оттого, что первые двенадцать лет моей жизни я была ей неинтересна.

– Я не поеду, – сказала я, натягивая на себя одеяло.

Мать проигнорировала мои слова и принялась рыться в моем шкафу:

– Тебе там понравится. Ты на всю жизнь запомнишь это лето.

Я задрожала. Лагерь «Соловей». Полтора месяца плавания, чтения и походов. Полтора месяца вне этой дурацкой квартиры. Я не буду видеть безразличие матери, не буду смотреть, как отец закатывает глаза, когда она наливает себе третий бокал шардоне. Хизер и Марисса обзавидуются! И еще обидятся для вида.

– Ну-ну, – фыркнула я. – Я не хочу, но меня ведь никто спрашивает.

Это была ложь.

Моя первая ложь в то лживое лето.

4

Дорога до лагеря «Соловей» занимает большую часть дня. Почти пять часов, если считать по зонам отдыха. Основная часть пути проходит в северном направлении по шоссе I-87, всегда забитом грузовиками.

Длина пути подзабылась. В первый раз я сидела сзади и слушала, как родители ссорятся. Они пытались выяснить, почему я не знаю про лагерь и кто из них забыл мне сказать. В этот раз я снова сижу сзади, вот только частный водитель не произносит ни слова. Но я все равно нервничаю. В моей груди будто бабочка трепещет. Пятнадцать лет назад я не знала, на что похож лагерь.

Сейчас я в курсе деталей.

Я знаю, кого увижу.

Предыдущую пару месяцев я была ужасно занята, у меня не было времени нервничать. Я подавала заявку на отпуск в рекламном агентстве и подыскивала жильца в лофт. Отпуск одобрили, а в качестве жильца я нашла знакомую художницу. Она пишет наркоманские звездные пейзажи при помощи воска, который плавит в раскаленных алюминиевых чанах. Я видела ее за работой: каждый чан булькает, как ведьмин котел. Надеюсь, она не спалит квартиру.

Каждую неделю я получала письма от Лотти с деталями моего проживания. В первое лето вновь открывшийся лагерь примет пятьдесят пять девочек, пять вожатых и пять преподавателей из числа выпускников. Коттеджи по-прежнему не оборудованы электричеством. Лагерь предупреждал об угрозе вируса Зика и лихорадки Западного Нила, а также других заболеваний, переносимых комарами. Мне нужно было подготовиться.

Я ответственно подошла к делу. Когда мне было тринадцать, неожиданные новости о поездке задержали нас на несколько часов. Мы искали чемодан (он оказался в кладовке за пылесосом), паковали вещи и совершенно не понимали, что брать с собой. Мне даже пришлось ехать в магазин, чтобы докупить нужные вещи. На этот раз я подготовилась куда лучше. Я зашла в секцию спортивных товаров и стала хватать вещи с такой скоростью, будто была героиней романтической комедии, и эту сцену специально так смонтировали. Мне удалось купить почти все предметы первой необходимости. Несколько пар шорт. Плотные носки. Крепкие походные ботинки. Фонарик с веревкой для запястья. Конечно, я не удержалась и взяла водонепроницаемый чехол для айфона, который с трудом на него налезает, поэтому в полезности этой покупки я сомневаюсь.

Ах да, родители. Я знала, что, несмотря на отношение ко мне, им не понравится, что я возвращаюсь в лагерь «Соловей». Об этом я не сказала им ни слова. Просто позвонила и сообщила, что уеду на полтора месяца. В случае чего они могут связаться с Марком. Отец, кажется, слушал вполуха, мать пожелала мне «чудесно провести время». Ее слова были трудно различимы, видимо, я позвонила в коктейльный час.

Я все сделала, и теперь мне оставалось перебирать вещи, чтобы успокоить растущую тревогу. Вот карта Полуночного озера и окрестностей. Вот вид со спутника, спасибо «Картам Гугл». Вот пачка старых статей про исчезновение девочек. Часть я взяла в библиотеке, часть распечатала из интернета. Я даже захватила старый детектив про Нэнси Дрю «Тайна бунгало» с заломанными страничками – для вдохновения.

Для начала я рассмотрела карту и вид со спутника. Сверху озеро напоминает гигантскую перевернутую запятую. Три километра в длину, ширина колеблется от километра до пятисот метров. Самая узкая часть находится на востоке, около дамбы, с помощью которой Бьюканан Харрис создал озеро с ударом полночи. Озеро несет свои волны на запад, обрамляя подножье горы и заполняя бывшую долину.

Лагерь «Соловей» расположен немного южнее, прямо в центре изгиба озера. На карте он выглядит маленьким черным квадратиком без подписи. Будто пятнадцать лет бездействия уничтожили его личность.

Вид со спутника, который библиотечный принтер раскрасил зернистыми зелеными цветами, более детализирован. Тут лагерь – прямоугольник ярко-зеленого оттенка, усыпанный коричневыми точками зданий. Особняк хорошо просматривается, даже душевые и коттеджи отлично различимы. Я вижу пристань и две белые точки моторных лодок, прикованные к ней. Серая нитка дороги ведет на юг и соединяет лагерь с шоссе через три километра.

Одна из теорий по поводу исчезновения девочек гласит, что они вышли на шоссе и поймали машину. До Канады. До Новой Англии. До безымянных могил – если им попался маньяк за рулем фуры.

Однако не удалось обнаружить никого, кто видел бы трех девочек на обочине шоссе. Даже после того как их про исчезновение рассказали по государственному телевидению. Никто не признался, что подвозил их, даже анонимно. Их ДНК не была найдена во время последующих арестов. Кроме того, все их вещи остались в деревянных ящиках. Одежда, наличные, яркие телефоны «Нокиа» – по словам моих родителей, я была слишком мала и безответственна, чтобы с таким ходить.

Я не думаю, что они собирались далеко. И уж точно – не навсегда.

Я убираю карту и беру вырезки из газет и распечатанные статьи из интернета. Новой информации нет. Детали исчезновения расплывчаты, как и пятнадцать лет назад. Вивиан, Натали и Эллисон исчезли ранним утром пятого июля. Об их пропаже заявила ваша покорная слуга около шести утра. В то утро был объявлен поиск на территории лагеря. Он не дал ровным счетом ничего. Днем директор лагеря Франческа Харрис-Уайт связалась с полицией штата Нью-Йорк, и начались официальные поиски. Родители девочек имели связи (особенно отец Вивиан), поэтому вскоре к полиции присоединились ФБР и Секретная служба США. Леса прочесывали поисковые партии федеральных агентов, полицейских и добровольцев. Собакам-ищейкам дали понюхать вещи девочек. Они взяли след и стали ходить вокруг лагеря. Следов, ведущих в лес, не нашли. На ветках не осталось прядей волос.

Другая группа отправилась к воде, хотя озеро будто пыталось им помешать. Оно было слишком глубокое, чтобы прочесать его сетями. В нем лежали упавшие деревья, камни и другие останки той эпохи, когда оно еще было равниной. Нырять оказалось опасно. Спасатели пересекали его на полицейских лодках, зная, что спасти некого. Если девочки оказались в озере, найдутся только трупы. Отряд вернулся с пустыми руками.

От девочек осталась только толстовка.

Она принадлежала Вивиан. На белом фоне оранжевыми буквами было написано «ПРИН-СТОН». Я видела, что Вивиан надевала ее на сиделки у костра за несколько ночей до случившегося. Именно поэтому я узнала ее.

Толстовку нашли на следующее утро после исчезновения. Она лежала в лесу в трех километрах на противоположном от лагеря берегу. Доброволец, совершивший находку, – местный пенсионер, дедушка с шестью внуками, которому не имело смысла врать. Он сказал, что толстовка была сложена квадратиком, как на витринах магазинов «Гэп». Лабораторный анализ нашел следы ДНК Вивиан. Однако на толстовке не было дыр или следов крови, по которым можно было предположить, что на девочку напали. Толстовку бросили – очевидно, сама Вивиан по дороге к своей судьбе.

Тут есть загвоздка. Когда Вивиан выходила из коттеджа, на ней была другая одежда.

Меня много раз спрашивали, уверена ли я, что она не захватила толстовку с собой, не набросила ее на плечи в принстонской манере или не повязала на пояс.

Не набросила.

Уверена.

И все-таки власти посчитали толстовку маячком и отправились на холмы. Поиски на озере были прекращены. Все силы оттянули в лес, но результатов не было. Никто не понимал, зачем девочки ушли на несколько километров от лагеря. Да и само исчезновение было нелогичным. Оно противоречило всем рациональным и разумным доводам.

В качестве подозреваемого рассматривали старшего сына Френни, Тео Харрис-Уайта. Из этого ничего не вышло. На толстовке Вивиан не было следов его ДНК. В его вещах не нашли ничего подозрительного. У него даже алиби имелось – он провел всю ночь с Четом, обучая того играть в шахматы. Поскольку улики не было, обвинений Тео не предъявили. Вследствие этого его и не признавали официально невиновным. Даже сейчас поиск его имени в «Гугле» ведет на сайты о преступлениях, где написано, что он убил девочек и ему все сошло с рук.

Поиски не закончились, но добровольцы потеряли запал. Отряды работали еще несколько недель, и с каждым днем их численность падала. Тема исчезла из новостей, журналисты заинтересовались другими историями.

На их место пришли темные догадки. Их и сейчас можно найти в страшных уголках «Реддита» и сайтов поклонников теорий заговора. Кто-то говорит, что их убил безумец, живущий в лесу. Кто-то считает, что их похитили люди или пришельцы (точка зрения меняется от сайта к сайту). Кто-то настаивает на мистике и ужасах. Ведьмы. Оборотни. Спонтанная дезинтеграция на клеточном уровне.

Даже выпускники лагеря не могут удержаться от сплетен. Об этом я узнаю, когда открываю Фейсбук на телефоне и наконец-то включаю оповещения от той самой группы. Я сразу вижу пост, сделанный Кейси Андерсон, невысокой рыжей вожатой, с которой я познакомилась в первое же утро. Именно она первой попыталась связаться со мной несколько лет назад. Кейси мне очень нравилась, но и ее запрос я проигнорировала. Сейчас я смотрю на фотографию коттеджей. Позади блестит Полуночное озеро.

«Я снова здесь. Лагерь ни капельки не изменился».

У картинки пятьдесят лайков и несколько комментариев.

Эрика Хэммонд: Отличного лета!

Лена Галлахер: Ооооо. Ностальгия.

Фелиция Веллингтон: Не могу поверить, что ты туда поехала. Я бы и за миллион от Френни не согласилась.

Кейси Андерсон: Наверное, Френни именно поэтому тебя не пригласила.

Мэгги Коллинс: Точняк. Это место всегда меня пугало.

Хоуп Левин Смит: Я согласна с Фелицией. Это очень плохая, ужасная идея.

Кейси Андерсон: Почему?

Хоуп Левин Смит: Да потому что с этим местом и этим озером что-то нечисто. Все мы слышали легенду. Все мы знаем, что в ней есть доля истины.

Лена Галлахер: ОМГ! Легенда! Я еще тогда ее ужасно боялась.

Хоуп Левин Смит: Ну и правильно.

Кейси Андерсон: Да вы с ума посходили все?

Хоуп Левин Смит: Кейси, ты сама больше всех носилась с легендой! Ты не можешь отказаться от своих слов, раз уж снова туда поехала.

Фелиция Веллингтон: Давайте не будем забывать. Все мы знаем, что с Вив, Элли и Натали не несчастный случай приключился. Ты сама так говорила.

Брук Тиффани Сампл: А кто еще туда едет в этот раз?

Кейси Андерсон: Не поверишь, но я, Бекка Шонфельд и Эмма Дэвис.

Брук Тиффани Сампл: Эмма?! Ни хрена себе!

Мэгги Коллинс: После всего, что она натворила с Тео?

Хоуп Левин Смит: Вау.

Лена Галлахер: Гм, это интересно.

Фелиция Веллингтон: Интересно, как это случилось. Кейси, не поворачивайся к ней спиной, лол.

Кейси Андерсон: Не груби. Я хочу ее увидеть.

Эрика Хэммонд: А кто такая Эмма Дэвис?

Я закрываю Фейсбук и отключаю телефон. Я понимаю, что просто не вынесу очередной порции сплетен и безумных теорий. Из комментаторов я помню только Кейси. И да, я не слышала историй о проклятье озера. Это чушь собачья.

Лишь один комментарий правдив. Судьба Вивиан, Натали и Эллисон не результат несчастного случая.

Виновата я.

Да, никто не знает, что с ними случилось, но я уверена в своей вине.

5

Я выпрямляюсь, когда на горизонте появляются пики Адирондака. Их вид заставляет мое сердце биться чуть сильнее. Я пытаюсь игнорировать этот фоновый шум. Водитель сворачивает с шоссе и объявляет:

– Мы почти на месте, мисс Дэвис.

И я сразу начинаю волноваться сильнее. Машина едет по гравию, по обеим сторонам дороги тянется лес, который с каждым метром становится все гуще и мрачнее. Вперед тянутся темные ветки, иногда они переплетаются друг с другом. Огромные сосны заслоняют солнце. На земле растут побеги, колючки, валяется листва. Я понимаю, что пейзаж похож на одну из моих картин.

Вскоре мы добираемся до кованых ворот. Это единственный путь в лагерь «Соловей». Они распахнуты настежь, словно приглашают внутрь. Однако сама обстановка, скорее, выглядит угрожающе. Дорогу обрамляют метровые каменные стены, углубляющиеся в лес. Кованая арка над дорогой создает ощущение, будто ты въезжаешь на кладбище.

Лагерь показывает себя не сразу. Я вижу разные детали, словно поставленные на место сценографом. Все они – наследство той эпохи, когда территория принадлежала только Харрисам. Здание ремесел и искусств раньше было конюшней. Оно выкрашено в белый цвет и напоминает пряничный домик. Прямо перед ним расположена клумба с крокусами и тигровыми лилиями. Дальше я вижу столовую, бывший сарай для сена. Она не такая красивая, но отлично служит своей цели. Боковая дверь отъезжает, и рабочие заносят ящики с едой, приехавшей на грузовике.

Справа от меня за деревьями спрятались коттеджи. Я вижу кусочки крыш, покрытые мхом, и фрагменты сосновой обшивки. Внутри заселяются девочки. Голые ноги, стройные руки, блестящие волосы.

На первый взгляд лагерь совсем не изменился, и это очень странное чувство. Мне кажется, что я отправилась в прошлое и одной ногой нахожусь там. Однако что-то не так. Во всем чувствуется запущенность, паутиной пробравшаяся в каждый уголок. Я замечаю все новые отличия. Теннисный корт и стрельбище совсем запустели. Корт пробит колючками. Трава на стрельбище выросла по колено. Вдали гниют вязанки сена, на которых раньше стояли мишени.

На крыше почти безупречного здания ремесел и искусств сидит мужчина и приколачивает черепицу. Мы проезжаем мимо. Он опускает молоток и смотрит на меня. Я пялусь в ответ и вдруг узнаю его. Помню, что он шатался по лагерю и все чинил. Тогда он был моложе и красивее. Вечно ходил напряженный, мрачный и загадочный. Кого-то это пугало, кому-то – нравилось.

– А я бы подержалась за его *инструмент*, – сказала за обедом Вивиан, и мы все закатили глаза.

Я машу ему рукой. Узнает ли он меня? Мужчина снова смотрит на черепицу и колотит дальше.

К тому времени машина добирается до круга перед Особняком, вторым домом Френни. Ей, конечно, повезло, у большинства людей такого количества домов просто нет. Особняк служит своей цели с тех самых пор, как был построен ее дедушкой на берегу рукотворного озера. Летний дом для семьи, выбравшей природу, а не Ньюпорт. Особняк выглядит, как и все старые постройки, – мрачно и величественно. Я думаю о том, сколько всего ему довелось пережить: его не пощадили годы, бури и секреты.

– Мы приехали, – говорит водитель, останавливая машину у красной двери. – Я достану вещи из багажника.

Я выхожу из машины. У меня затекли ноги и болит спина. Делаю вдох и понимаю, что забыла, как пахнет свежий воздух – чистотой и соснами. Ароматы города совсем другие. Я немедленно вспоминаю забытые моменты. Мы гуляли по лесу с Вивиан, я сидела в одиночестве на берегу озера, опустив ноги в воду, не наблюдая ни за чем в особенности и созерцая все сразу. Аромат манит меня, зовет вперед. И я начинаю шагать – сама не знаю куда.

– Сейчас вернусь, мне надо размяться, – говорю я водителю.

Тот достает мой чемодан и ящик принадлежностей для рисования.

Я иду вокруг Особняка на травянистый склон. И вижу, что свежий воздух привел меня к Полночному озеру.

Оно больше, чем мне помнилось. В моей памяти оно стало подобно пруду в Центральном парке – нечто заключенное в границы, подвластное человеку. На самом деле оно просто громадное. Оно блестит, притягивает к себе внимание и главенствует в этом пейзаже. Деревья на берегу клонятся к нему, опуская ветви над водой.

Я иду по лужайке и добираюсь до пристани. На ней закреплены две моторки. Рядом стоят рейки, на которых вверх дном сложены каноэ.

Я иду по пристани. Ноги соскальзывают в щели между досок, звук шагов эхом отражается от воды. На самом краю я останавливаюсь и смотрю на другой берег – в километре отсюда. На той стороне лес гуще. Стена листвы поблескивает на солнце, выглядит маняще и в то же время грозно.

Я все еще смотрю туда, когда слышу шорох кроссовок в траве. Он сменяется гулкими шагами по пристани. Я не успеваю обернуться, как высокий мелодичный голос уже разносится по ветру:

– Вот ты где!

По пристани спешит женщина двадцати с небольшим лет. На земле стоит мужчина того же возраста. Они молоды, загорелы и подтянуты. Если бы не официальная экипировка лагеря, я бы решила, что они модели «Джей Крю». Оба светятся, словно кучу времени проводят на открытом воздухе.

– Ты Эмма, правильно? – спрашивает женщина. – Ура, ты приехала!

Я протягиваю руку, но меня с энтузиазмом обнимают. Френни бы не оценила.

– Ужасно приятно познакомиться, – говорит она, сбив дыхание. – Я Минди, невеста Чета.

Она показывает на парня на берегу, и я не сразу понимаю, что это Честер, младший сын Френни. Он вырос в красивого, крепкого и стройного мужчину. Честер такой высокий, что нависает надо мной и Минди, слегка сутулясь, будто стесняясь своего роста. Да уж, это вам не низкий тощий мальчишка, которого я видела в лагере. Но некоторые черты по-прежнему угадываются. Песочные волосы лезут ему в глаза, улыбка застенчивая.

– Привет! – говорит он.

– А я как раз по новой знакомясь с озером, – отвечаю я, тут же чувствуя, что это, скорее, озеро знакомится со мной.

– Разумеется! – отзывается Минди, ни словом не упоминая, что уйти к воде, не поздоровавшись с хозяевами, очень невежливо. – Здорово, правда? Хотя погода ему не помогает. Дождя не было несколько недель. Мне кажется, оно слегка пересохло.

После ее слов я замечаю красноречивые признаки засухи. Стебли растений на берегу снизу коричневые – раньше они стояли в воде. В первый раз я тоже попала в засуху. Дождя не было пару недель. Я помню, как забралась в каноэ, оставляя следы на оголенной земле между берегом озера и водой.

Точно такая же полоса пролегает и сейчас. Минди хватая меня за руку и стягивает с пристани.

– Мы так рады, что ты вернулась, Эмма! Френни просто в восторге. Я уверена, что лето будет замечательное.

Я подхожу к Чету и пожимаю ему руку.

– Эмма Дэвис. Думаю, вы меня не помните.

Мне, конечно, хотелось бы этого. Мечты, мечты. Бровь над глазом Чета, не спрятанным под челкой, поднимается.

– О, я вас очень хорошо помню, – кратко заявляет он.

– Перед заселением нужно поговорить с Френни, – говорит Минди.

– По поводу?

– У нас возникла проблема с местами. Не волнуйтесь. Френни все исправит.

Бросив Чета, она берет меня под руку и ведет по склону в Особняк. Я впервые захожу внутрь. К моему удивлению, все совсем не так, как я себе представляла. Я всегда думала, что там интерьеры в стиле журнала «Архитекчерал Дайджест», эдакий загородный шик, в котором проводят Рождество кинозвезды, уезжающие в Аспен.

Особняк совсем другой. Там темно, воздух затхлый, пропитанный столетним дымом, запахом камина. Прихожая ведет в гостиную, заставленную старой мебелью. По стенам висят рога, шкуры и старинное оружие. Ружья. Охотничьи ножи с толстыми лезвиями. Копье.

– Рухлядь, да? – спрашивает Минди. – Я обожаю старину, но некоторые вещи уже просто хлам. Когда Чет привез меня сюда в первый раз, у меня было чувство, что я сплю в музее. До сих пор не привыкла. Но если нужно провести лето в лагере, чтобы произвести впечатление на будущую свекровь, я за.

Минди явно болтушка. Это утомляет, зато можно выяснить много полезной информации. Мы проходим небольшую комнату, и я спрашиваю:

– А это что?

– Кабинет, – отвечает она.

Я сворачиваю шею, чтобы заглянуть внутрь. Одна стена завешана фотографиями в рамках. На другой – книжная полка. Я вижу уголок письменного стола, дисковый телефон и светильник «Тиффани».

– В этой розетке я заряжаю телефон, – говорит Минди. – Ты тоже можешь ею пользоваться. Только следи за тем, чтобы Френни тебя не поймала. Она хочет, чтобы мы выключили технику и включились в природу. Что-то в этом духе.

– И как сигнал?

Минди зловеще хихикает:

– Просто ужасно. Одна полоска. Я даже не знаю, как все эти девчонки выживут.

– Им запрещено пользоваться телефонами?

– Разрешено, пока не сядет батарейка. Никакого электричества в коттеджах, помнишь? Это приказ Френни.

По правую руку на второй этаж ведет лестница с узкими крошечными ступеньками. Под ней находится дверь, которая сливается со стеной. Я опознаю ее по латунной ручке и старомодной замочной скважине.

– А это что? – спрашиваю я.

– Подвал, – говорит Минди. – Я там никогда не была. Уверена, что он заставлен старой мебелью и завешен паутиной.

Мы идем дальше. Минди играет роль гида и рассказывает о семейных реликвиях. Вот портрет Бьюканана Харриса. Я могу поклясться, что он принадлежит кисти Джона Сингера Сарджента. Минди кратка:

– Он стоит кучу денег.

Вскоре мы выходим на заднюю террасу, которая тянется от края до края. Около перил стоят деревянные ящики с цветами. По террасе разбросано несколько столиков и кресел «Адирондак». Все они выкрашены в красный, как входная дверь. Два кресла заняты Френни и Лотти.

Обе одеты так же, как Чет и Минди: шорты цвета хаки и майка-поло с эмблемой лагеря. Френни созерцает Полночное озеро с террасы. Лотти что-то печатает на «Айпэде». Когда мы с Минди выходим из дома, она бросает на нас взгляд.

– Эмма, – улыбается она, обнимая меня (сегодня день такой?). – Ты даже не представляешь, как мы рады видеть тебя здесь.

– Это просто замечательно, – соглашается Френни.

В отличие от Лотти, она не встает с кресла, чтобы поздороваться со мной. Я удивляюсь, а потом замечаю, что выглядит она бледной и изможденной. Это наша первая встреча за несколько месяцев. Перемена в ее внешности разительна. Я полагала, что обожаемое озеро укрепит ее дух. Но оказалось совсем наоборот. Френни выглядит старой – другое слово подобрать сложно.

Она видит, что я пялюсь, и замечает:

– Дорогая, я вижу в твоих глазах тревогу. Не думай, что я не замечаю. Но не бойся, я просто устала из-за дел. Уже забыла, как сильно выматывает день заезда: ни одной свободной минутки. Завтра буду как новенькая.

– Тебе стоит отдохнуть, – говорит Лотти.

– А я чем занимаюсь? – резковато реагирует Френни.

Я кашляю, а потом спрашиваю:

– Вы хотели меня видеть?

– Да, боюсь, у нас есть небольшая проблема. – Френни слегка хмурится.

Я вспоминаю, что пятнадцать лет назад наш «Вольво» приехал в лагерь около одиннадцати вечера, и тогда она тоже не улыбалась.

«Я не ждала тебя. Когда ты не приехала вовремя, я решила, что вы передумали».

– Проблема? – уточняю я басом от волнения.

– Звучит очень драматично, да? – отзывается Френни. – Назовем это затруднением.

– Затруднением?

– Да, мы не знаем, куда тебя поселить.

– Ой, – говорю я, снова проваливаясь в воспоминания.

В прошлый раз я сказала что-то в том же духе. Но тогда можно было винить мое опоздание. Девочки заселились в коттеджи. Еще утром их разделили по возрасту. В коттеджах моих сверстниц места не оказалось. Мне пришлось заселиться к тем, кто был на несколько лет старше. Именно так я оказалась с Вивиан, Натали и Эллисон – и немедленно стала бояться их гигантского жизненного опыта, отсутствия прыщей и взрослых, сформировавшихся тел.

Теперь, по словам Френни, все обстоит с точностью до наоборот:

– Я собиралась поселить преподавателей отдельно. Выделить каждой по коттеджу, чтобы вам было комфортно. Но случилась заминка. К нам приехало больше девочек, чем мы рассчитывали.

– На пятнадцать больше, – вставляет Лотти.

– Поэтому преподавателям придется жить с ними.

– А почему бы им всем не заселиться в один коттедж? – интересуюсь я.

– Я ей то же самое сказала, – кивает Лотти.

– В теории это неплохая идея, – объясняет Френни. – Но вас пятеро, а кроватей только четыре. Одному человеку все равно придется жить с девочками, и это окажется несправедливым.

– Мы не можем остановиться в Особняке?

– Особняк только для членов семьи, – доносится от перил голос Минди.

Именно там, в углу, она и слушает наш разговор. Сейчас она показывает нам безымянный палец с кольцом. Да, такта ей не хватает, но все понятно. Минди – семья. Я – нет.

– Минди хотела сказать, что я была бы рада принять вас всех, – мягко говорит Френни, – но нам не хватит места. Этот дом бывает обманчив. Снаружи он кажется просто огромным. На деле тут очень мало спален. Особенно если учитывать пятерых преподавателей. А ты сама знаешь, что любимчиков у меня нет. Так что прошу прощения.

– Все нормально, – говорю я, хотя это не так.

Мне двадцать восемь лет, и следующие полтора месяца мне придется жить с незнакомыми подростками. На такое я точно не соглашалась. Но выхода, кажется, нет.

– Не нормально, – говорит Френни. – Это неловкая ситуация, и мне очень жаль. Если ты решишь сесть в машину и уехать домой, я все пойму.

Да, подобная мысль уже успела прийти мне в голову, но сейчас у меня нет дома. В него въезжает та художница, а остальные квартиры в городе наверняка расписаны до августа. Так уж сложилось, как любит говорить Марк.

– Я хотя бы коттедж могу выбрать самостоятельно?

– Сейчас все заселяются, но думаю, стоит рискнуть. Где бы ты хотела жить?

Я прикасаюсь к браслету, кручу его.

– В «Кизиле».

Именно там я жила пятнадцать лет назад.

Френни молчит, но я знаю, о чем она думает. Выражения ее лица быстро сменяют друг друга. Смущение, понимание, гордость.

– Ты уверена?

Да я даже не уверена, не зря ли приехала. И все-таки я киваю, пытаюсь убедить и Френни, и себя. Френни покупается на мою браваду и говорит Лотти:

– Размести Эмму в «Кизиле».

Потом Френни поворачивается ко мне:

– Ты либо очень смелая, либо очень глупая, Эмма. Я не могу понять.

Наверное, я тоже. Я приехала, так что во мне хватает и того, и другого.

Пятнадцать лет назад

«Вольво» родителей растворился в ночи и шуме, издаваемом лесными жителями, и я немедленно узнала две вещи. Франческа Харрис-Уайт была жутко богатой, а еще она смотрела на тебя как кинозвезда.

С богатством я могла смириться. В нашем Верхнем Вест-Сайде оно было повсюду. Но взгляд? Я даже на месте замерла в первый раз.

Он был странный. Ее зеленые глаза остановились на мне, словно пара прожекторов. Они освещали меня. Они изучали меня. Я бы не сказала, что пялилась она с жестокостью, – скорее, наоборот, с теплотой и вежливым любопытством. На меня родители-то так не смотрели, поэтому я особенно не дергалась и позволила ей оценить себя.

– Должна признаться, дорогая, что понятия не имею, куда тебя поселить, – сказала Френни, моргнула и повернулась к Лотти, стоявшей позади. – У нас есть места в коттеджах для младших?

– Все забиты, – отозвалась та. – В каждом по три девочки и преподавателю. Осталось одно место в коттедже для старших. Можно попробовать переселить туда преподавателя, но я не уверена, что это хорошая идея. Кроме того, тогда один коттедж останется без присмотра.

– И это мне не нравится, – кивнула Френни. – Что за коттедж?

– «Кизил».

Френни снова уставилась на меня и вдруг улыбнулась.

– «Кизил» так «Кизил». Лотти, дорогая, позови Тео. Пусть он возьмет сумки мисс Дэвис.

Лотти нырнула в огромный дом позади. Несколько мгновений спустя из него вышел молодой парень в мешковатых шортах и обтягивающей футболке. Вид у него был заспанный, да и волосы спутались. Он шел к нам, хлопая шлепанцами по земле.

– Тео, познакомься, это Эмма Дэвис, наша поздняя гостья, – сказала Френни. – Она направляется в «Кизил».

Теперь настала моя очередь пялиться. Я еще не встречала таких мальчиков, как Тео. Он не был симпатичным, как Нолан Каннингем. Он был красавчик. Большие темные глаза, выдающийся нос. Улыбка у него была асимметричная, один краешек рта поднимался чуть выше.

– Привет, поздняя гостья. Добро пожаловать в лагерь «Соловей». Идем заселяться.

Френни пожелала мне доброй ночи, и я последовала за Тео вглубь лагеря. Сердце у меня билось так громко, что я думала, что его слышно на всю округу. Это нормально, когда знакомишься с новыми людьми в новом месте, но была еще одна причина. Сам Тео. Я глаз от него оторвать не могла. Он шел слегка впереди, и я изучала его подобно тому, как Френни изучала меня. Он был высокий, двигался размашисто и быстро. Изношенная майка почти не скрывала спину и плечи. У него были большие бицепсы, каких я раньше никогда не видела.

А еще Тео оказался дружелюбным и постоянно спрашивал, где я там потерялась, какая музыка мне нравится, была ли я в лагере раньше. Я едва отвечала, а сердце стучало все сильнее. Он заметил мою нервозность. Когда мы дошли до коттеджа, Тео обернулся и сказал:

– Не волнуйся. Тебе здесь понравится.

Он постучал в дверь.

– Кто там? – ответили изнутри.

– Тео. Вы не спите? Выглядите прилично?

– Не спим, – отозвался тот же голос. – Насчет приличий – никогда.

Тео вручил мне чемодан и ободряюще кивнул:

– Заходи. И помни, они лают, но не кусаются.

Он развернулся и пошел прочь, шлепая по земле. Я повернула ручку и ступила внутрь. Там было темно. Горел только светильник около окна напротив. В этом золотистом свете я разглядела трех девочек и две двухъярусные кровати.

– Я Вивиан, – сказала та, что валялась на самом верху справа. – Вот это Эллисон. – Она указала на кровати напротив. – А подо мной Натали.

– Привет, – сказала я, застыв на пороге вместе с чемоданом и не решаясь войти.

– Твой ящик около двери, – сказала девочка, которую представили как Натали. – Можешь сложить одежду туда.

У нее были широкие щеки и квадратный подбородок.

– Спасибо.

Я открыла ящик и стала перекладывать туда купленные в спешке вещи. Ночную рубашку я захватила с собой, а чемодан закинула под кровать.

Вивиан прыгнула вниз. Она была одета в короткую футболку и трусики. Я засмузилась еще сильнее, снимая вещи под прикрытием ночной рубашки.

– Ты маловата. Ты точно должна быть здесь? – Она повернулась к другим девочкам. – Разве тут нет коттеджа для грудничков?

– Мне тринадцать, я явно не грудничок.

Вивиан в равной степени пугала и очаровывала. То же относилось и к Эллисон и Натали. Они выглядели как женщины. А я была тощей плоскогрудой девчонкой с расшибленными коленями.

– Ты первый раз ночуешь не дома? – спросила Эллисон.

Она была стройная и хорошенькая, ее волосы медового оттенка переливались в неверном свете.

– Нет, – ответила я.

Несколько раз я ночевала у подружек, живущих по соседству, но это, конечно, было совсем другое дело.

– Слушай, а ты плакать не будешь? – вздохнула Вивиан. – Все новички плачут. Это пипец как предсказуемо.

Я застыла. Она ругалась совершенно обыденно, не как Хизер и Марисса – в попытках выглядеть круто. Вивиан, видимо, привыкла к таким словам. Я поняла, что эти девочки были старше и опытнее. Мне предстояло стать одной из них, чтобы выжить. Иначе никак.

Я закрыла свой ящик и повернулась к Вивиан:

– Плакать тут можно только от того, что меня заселили к таким стервам.

Мгновение стояла тишина. Все молчали, время растянулось. Я не могла понять, сердятся они или веселятся. И что мне делать? Плакать? Честно говоря, мне захотелось плакать с того момента, как машина родителей унеслась прочь, разбрасывая гравий. Потом я увидела, что Натали и Эллисон хихикают в одеяла. Вивиан усмехнулась и мотнула головой. Как если бы я комплимент им сделала.

– Неплохо сказано, мелочь.

– Так меня называть не надо, – сказала я, призывая на помощь всю свою крутость. Мне снова хотелось реветь, но в этот раз – от облегчения. – У меня есть имя. Эмма.

Вивиан протянула руку и взъерошила мне волосы:

– Ну, Эм, привет, добро пожаловать в лагерь «Соловей». Ты готова рулить им вместе с нами?

– А то, – ответила я, не веря, что крутая взрослая девчонка так говорит со мной.

В школе я общалась с Хизер и Мариссой, а вот старшие нас игнорировали. И тут – пожалуйста. Вивиан. Смотрит на меня сверху вниз и предлагает присоединиться к своей банде.

– Ну и отлично, – сказала она. – Завтра надерем всем задницы.

6

Снаружи «Кизил» выглядит по-прежнему. Старые грубые стены коричневого цвета. Крыша из зеленой черепицы, усыпанная шишками. Аккуратная табличка с названием. Я думала, что хоть что-то изменится. Что коттедж будет старым и ветхим. Я думала, он подскажет мне, что прошло уже пятнадцать лет, и я больше не маленькая заплаканная девочка.

И все-таки хода времени не чувствуется вообще. Полтора десятилетия кажутся сном. Мне некомфортно и немного страшно. Я смотрю на коттедж – и не могу оторвать взгляда. Мною владеет не страх, а нечто более отчетливое.

Любопытство.

Я *хочу* зайти внутрь, осмотреться и понять, какие чувства он у меня вызывает. За этим я и приехала. Я поворачиваю ручку и понимаю, что моя рука трясется. Я не знаю, чего ждать. Призраков?

Вместо призраков я обнаруживаю трех вполне живых девчонок, устроившихся на кроватях. Они смотрят на меня с явным удивлением.

– Привет.

Мой голос звучит слабо, будто я собралась извиняться за то, что вломилась к ним с чемоданом. Я не была в компании девочек-подростков уже очень давно. После лагеря я больше общалась с застенчивыми и занудными ребятами. У меня в друзьях были математические гении, гики, увлеченные научной фантастикой, актеры из драмкружка, занятые поисками своей ориентации. Именно они стали моим племенем. Я живу среди них и по сей день. Мне комфортно.

Да, мальчики могут предать и разбить сердце, но совсем не так, как девочки.

– Я Эмма.

– Привет, Эмма, я Саша, – говорит самая младшая.

Ей около тринадцати, она сидит, свесив тощие ноги, на верхней кровати слева. Выглядит Саша вполне дружелюбно: у нее широченная улыбка, круглые щеки и яркие глаза, обрамленные очками в красной оправе. Я быстро расслабляюсь. Хотя бы одна из них вежливая.

– Приятно познакомиться, Саша.

– А я Кристал, – говорит та, что расположилась точно под ней. – С одной «л».

Она постарше и слегка полнее. Кристал почти спряталась внутри мешковатого худи и шортов. Белые носки с голубыми полосками натянуты до колен. Рядом с ней сидит потрепанного вида плюшевый медведь. Она читает комикс. «Капитан Америка».

– Кристал с одной «л», понятно.

Я поворачиваюсь к третьей девочке. Она лежит на верхней кровати и подпирает лицо рукой, молчаливо меня оценивая. В ее глазах я читаю презрение и любопытство. У нее проколот нос. Ей около шестнадцати, и, как и многие ее сверстницы, она думает, что повидала все и ее сложно удивить.

– Миранда, – наконец говорит она. – Я заняла верхнюю кровать. Надеюсь, вы не против.

– Все нормально, буду спать на нижней, – отзываюсь я, кладя чемодан на кровать.

Пружины воют от веса.

Миранда слезает вниз и потягивается. Она очень стройная. Форменная рубашка повязана у нее на талии, открывая живот. Еще один пирсинг украшает ее пупок. Она снова потягивается. Уже ясно, что это заявление. Она альфа-самка и помечает свою территорию. Только посмотрите, она самая красивая и сексуальная. Старый приемчик, известный мне еще по Вивиан.

Я чувствую себя ровно так же, как в первый раз, когда оказалась в этом коттедже. Трепещущая, наивная девочка, не знающая, что делать дальше под выжидательными взглядами

соседок. По крайней мере, так смотрят Саша и Кристал. Миранда забирается наверх и принимает выгодную позу, драматично вздыхая.

- Они же вам сказали, что я буду жить с вами?
- Нам сказали, что заселится кто-то еще, – говорит Кристал. – Но в детали не вдавались.
- И про возраст умолчали, – доносится сверху.
- Прости за разочарование, – отвечаю я.
- Вы вожатая? – спрашивает Саша.
- Нянька, – уточняет Кристал.
- Надсмотрщик, – выбирает нужное слово Миранда.
- Я художник, – отзываюсь я. – И буду учить вас рисовать.
- А что если мы не хотим рисовать? – говорит Саша.
- Вас никто не заставляет.
- А мне нравится.

Это произносит Кристал. Она уже залезла под кровать и достала несколько блокнотов. – Вот.

На первой странице – набросок. Это женщина-супергерой с яркими глазами и огромными мускулами, наверное, много качается. У нее темно-синий костюм в обтяжку, а на груди – зеленый череп. Ее глаза светятся красным.

- Сама нарисовала? – спрашиваю я под впечатлением. – Здорово!

Я даже не обманываю. Лицо просто идеально. Квадратная челюсть, заостренный нос, непокорный взгляд. Темные волосы похожи на буйные побеги. В несколько росчерков карандаша Кристал смогла передать силу, смелость и упорство этой женщины.

- Ее зовут Крушительница Черепов. Она может убить человека голыми руками.

– Прекрасно! – отзываюсь я. – Раз уж ты сама художница, рисуй, пока остальные будут возиться с масляными красками.

Кристал улыбается:

- Крутяк.

Они с Сашей наблюдают за мной и, кажется, ждут моей следующей фразы. Я разбираю вещи и наконец неловко интересуюсь:

- Почему вы решили приехать в лагерь?

– Мне посоветовал школьный психолог, – говорит Саша. – Она сказала, что это будет полезно, потому что у меня пылливый ум.

- Ого. И что тебя интересует?

- Да все на свете.

- Понятно.

– Папа хотел, чтобы я поехала, – отвечается Кристал. – У меня был выбор: лагерь или работа в закусочной.

- Мне кажется, ты все правильно сделала.

– А я не хотела ехать, – говорит Миранда. – Бабушка заставила. Типа, если бы я осталась дома, попала бы в неприятности.

Я смотрю на нее:

- И что, правда попала бы?

- Скорее всего, – пожимает плечами она.

– Слушайте, – говорю я. – Неважно, по чьей воле вы сюда приехали. Хочу сразу прояснить одну вещь. Я не буду за вами присматривать. И нянчиться с вами тоже не буду. – Я бросаю взгляд на Миранду. – И надсмотрщиком я не нанималась. Портить вам лафу я не собираюсь.

Все закатывают глаза.

- Что, подростки так больше не говорят?

- Нет, – твердо заявляет Кристал.

– Вообще ни разу, – добавляет Саша.

– Вы меня поняли. Я здесь не за тем. Я приехала, чтобы помочь вам учиться. Если вы захотите. Ну или мы можем просто болтать. Я буду вашей старшей сестрой. Я хочу, чтобы вы отлично провели время.

– У меня вопрос, – вскидывается Саша. – Здесь есть медведи?

– Думаю, да, – говорю я. – Но они нас боятся сильнее, чем мы их.

– Я провела небольшое исследование и выяснила, что это неправда.

– Да уж наверняка, – отзываюсь я. – Но было бы неплохо, а?

– А змеи?

– А что змеи?

– Их тут много? И какие из них – ядовитые?

Я смотрю на Сашу, пораженная ее любознательностью. Какой прекрасный и странный ребенок в очках с толстой оправой и чистыми линзами.

– Честное слово, я не знаю. Но не думаю, что нам стоит волноваться.

Саша поправляет очки.

– Тогда нам волноваться из-за провалов грунта? Я читала, что несколько тысяч лет назад здесь все было покрыто ледниками. Лед остался под землей, а потом растаял и уничтожил песчаник. Поэтому под землей есть пещеры. Иногда они рушатся и на их месте получается огромная воронка. А если стоять сверху, ты упадешь и никто никогда тебя не найдет.

Она наконец выбивается из сил и едва дышит.

– Я почти уверена, что все будет в порядке. Вот разве только с ядовитым плющом надо быть поосторожнее.

– И в лесу не теряться, – снова говорит Саша. – Если верить Википедии, это случается постоянно. Люди все время исчезают.

Я киваю. Наконец-то я могу что-то подтвердить.

Что-то, о чем никогда не смогу забыть.

7

Вскоре наступает время ужина. Я объясняю девочкам, что мне нужно разобрать вещи и переодеться и поэтому я догоню их позже. По правде говоря, я хочу остаться наедине с коттеджем.

Я стою в центре коттеджа и оборачиваюсь, впитывая в себя обстановку. Мне кажется, что он изменился. Он стал меньше и теперь похож на купе поезда Париж – Ницца, в котором мы с Марком однажды провели бессонную ночь. Но остается в «Кизиле» и что-то неизменное. У него тот же запах. Сосна, влажная земля, дым. Третья половица у двери по-прежнему скрипит. На раме вокруг единственного окна по-прежнему видны следы синей краски. В коттедже есть что-то необычное – я заметила это еще в первый раз.

Я вспоминаю голоса девочек. Они эхом возвращаются ко мне. Случайные обрывки, напрочь забытые мной до этого дня. Эллисон напевает «Я чувствую себя красоткой» и пританцовывает, рубашка ей слишком велика. Натали сидит на самом краешке кровати и мажет ноги каламином.

«Эти комары вообще на мне помешались, – говорит она. – Их что-то привлекает в моей крови».

«Мне кажется, ты придумываешь», – отвечаю я.

«Так почему они жрут меня, а не вас?»

«Ты потеешь, – легко заявляет Вивиан. – Насекомые обожают пот. Так что мажьтесь дезодорантом».

В моем кармане звонит телефон, и я возвращаюсь в реальность, пробуждаюсь от мрачного сна. Это Марк. Он пытается позвонить мне по видеосвязи, и я сильно сомневаюсь, что у него что-то получится.

– Привет, Вероника Марс! – говорит он, как только я нажимаю на «Ответить». – И как твое расследование?

– Я только приступила.

Я сажусь на кровать и вытягиваю руку, чтобы Марк видел мое лицо. – Не могу долго говорить. Тут просто ужасно ловит.

Марк драматично хмурится в ответ. Он стоит на кухне своего бистро. Я могу разглядеть блестящую стальную дверь морозилки за его плечом.

– И как тебе лагерь «Кристал лейк»¹?

– Ну, я пока не нашла ни одного убийцы в маске.

– Думаю, это плюс.

– Зато я живу с тремя подростками.

– И не в домике на колесах, – говорит Марк. – Ну и какие они?

– Ну вообще они довольно прикольные, но мне кажется, что это слово устарело.

– Оно не выходит из моды. Это как классическая пара джинсов. Или водка. Ты что, сидишь на двухъярусной кровати?

– Угу, – отвечаю я. – И да, она очень, очень удобная.

Марк тут же приходит в ужас:

– Господи боже. Прости меня. Это же я убедил тебя поехать.

– Неправда, ты лишь слегка меня подтолкнул.

– Если бы я знал, что там спят на двухъярусных кроватях, я бы молчал.

На мгновение картинка исчезает, а потом лицо Марка расплывается в пикселях.

– Я тебя очень плохо слышу, – говорю я.

¹ Лагерь из фильма «Пятница, 13».

Дело в моем телефоне. На экране исчезла последняя полоска, а Марк замер в причудливой размазанной абстракции. Но я все-таки его слышу, хотя и через слово.

– Ты... погулять... скучай... ладно?

Телефон сдается, звонок обрывается. Вместо лица Марка я вижу свое собственное отражение. Смотрю на себя и удивляюсь. Я выгляжу усталой и истощенной. Понятно, почему Миранда решила пошутить про мой возраст. По сравнению с ними я кажусь старой бабкой.

В этот момент я задумываюсь, как бы выглядели девочки, доживи они до сегодняшнего дня. Эллисон, наверное, была бы милой и невысокой, совсем как ее мама. Несколько лет назад я видела ее в новой постановке «Суини Тодда». Весь спектакль я просидела, думая о том, стоит ли в ее гримерке фото Эллисон, вспоминает ли она о ней, грустит ли.

Натали точно была бы в прекрасной форме, потому что занималась бы спортом в университете.

А Вивиан? Осталась бы такой же. Худой и стильной наглой красоткой. Я представила, как она появляется прямо передо мной, смотрит оценивающе и заявляет:

– Нам надо серьезно поговорить. Про твою прическу и твои шмотки.

Я засовываю телефон обратно и открываю чемодан. Переодеваюсь в шорты и форменное поло. Я получила несколько штук по почте еще пару недель назад. Все остальное надо запихнуть в ящик. Даже тот не поменялся с прошлого раза: на атласной обивке видны серые разводы.

Я закрываю крышку и пробегаю по ней пальцами, чувствуя неровности и зазубрины. Крышка испещрена вырезанными именами. На память мне приходит еще кое-что. Первое утро. Я склонилась над ящиком и держу тупой карманный нож.

«Вырежи свое имя», – торопит меня Эллисон.

«Так все делают, – говорит Натали. – Это традиция».

Я решила не нарушать сложившиеся правила и вырезала на темном дереве две буквы:

ЭМ

Вивиан все это время стояла рядом и мягко подбадривала меня: «Оставь свой след. Пусть все знают, что ты тут была. Что ты существовала».

Я смотрю на другую половину, на два ящика, принадлежавших Эллисон и Натали. Их имена почти стерлись и не выделяются среди других. Ядвигаюсь к четвертому ящику. Вивиан вырезала свое имя прямо по центру и не поскромничала. Буквы выделяются на фоне других. Они огромные.

ВИВ

Я открываю его. Я знаю, что он принадлежит Миранде, что я не найду одежду Вивиан, ее принадлежности для рисования и пузырек духов «Обсешн». Вивиан клялась, что привезла его, чтобы маскировать запах спрея от насекомых.

Там и правда лежат вещи Миранды. Майки в обтяжку, кружевное белье, совершенно не подходящее для лагеря. В углу – на удивление внушительная стопка книг в мягкой обложке. Я вижу «Исчезнувшую», «Ребенка Розмари» и несколько детективов Агаты Кристи.

Обивка, впрочем, такая же. Бордовый атлас, как и в моем ящике. На нем нет разводов, но зато имеется прореха длиной сантиметров в пятнадцать. Она бежит по левой стороне сверху вниз, и изнутри торчат перья.

Это был тайник Вивиан. Там она хранила подвеску в форме сердечка, которую снимала только на ночь. Золото и маленький изумруд по центру.

Я узнала про тайник, потому что случайно увидела, как Вивиан прячет украшение в первый же день. Я сидела у своего ящика и искала зубную щетку. Она встала на колени и сняла цепочку с шеи.

«Какой красивый, – сказала я. – Семейная реликвия?»

«Он принадлежал моей сестре».

«Принадлежал?»

«Она умерла».

«Извини». Я заволновалась. Я никогда не встречала людей, у которых умерла сестра. Я не знала, как себя вести. «Я не хотела тебе напоминать».

«Ты не виновата, – сказала Вивиан. – Я сама завела эту тему. Да и вообще, про такие вещи говорить нормально. Ну, так считает мой психолог».

Я заволновалась еще сильнее. Мертвая сестра и психолог? В моих глазах Вивиан мгновенно стала кем-то вроде экзотического зверя.

«А что с ней случилось?»

«Она утонула».

«Ой», – сказала я и замолчала в удивлении.

Вивиан тоже не проронила ни слова. Она засунула пальцы в прореху и спрятала украшение.

Я смотрю на старый тайник и тереблю свой браслет. В отличие от Вивиан, я никогда его не снимаю – ни на ночь, ни в душе, ни в мастерской. И это заметно. На каждой птичке есть царапины, похожие на шрамы, а клювы перепачканы краской.

Я вытягиваю руку и залезаю пальцами в прореху. Ткань щекочет запястье, а я шарю по крышке. Вряд ли там что-то будет. И я точно не найду кулона. Вивиан уходила с ним из коттеджа. Я шарю в тайнике, потому что хочу убедиться в том, что здесь не осталось ни единого следа Вивиан.

Я ошибаюсь.

В самом низу есть что-то, засунутое между деревом и обивкой. Это кусок бумаги, сложенный пополам. Я пробегаю пальцами по сгибу, чтобы понять, насколько он длинный, а потом подцепляю его за край и вытаскиваю на свет божий.

Бумага потемнела от времени. Оттенок неприятный, напоминает засохший желток. Лист хрустит. Я разворачиваю его – и вижу фотографию, которая кажется еще более старой.

Вначале я изучаю снимок. Такой скорее найдешь в музее, а не в летнем лагере. По краям она истрепалась. Цвет – сепия. На ней изображена молодая женщина в простом платье на фоне голой стены. Женщина слегка повернулась, поэтому видно, что по ее спине бегут длинные темные волосы.

Она прижимает к груди серебряную щетку для волос так, будто это нечто ценное. Жест кажется мне милым, хотя можно предположить, что женщина так сидит из тщеславия. Она целыми днями расчесывает волосы невероятной длины. Распутывает узлы, приглаживает пряди. Но приглядевшись к ее лицу, я понимаю, что вряд ли она таким занимается. Она должна быть расслабленной, но я вижу, что ее губы плотно сжаты. Она напряжена. Ее глаза – темные и дикие. В них грусть, одиночество и что-то еще. Что-то хорошо мне знакомое.

Горе.

Я смотрю в эти глаза, и они кажутся мне родными. Я видела это выражение на своем лице, когда покидала лагерь «Соловей».

Я переворачиваю фотографию и вижу, что на обороте написано имя.

Элеанора Оберн.

У меня возникает масса вопросов. Кто эта женщина? Когда был сделан снимок? Откуда он у Вивиан? Почему она спрятала его в ящике?

Страница не дает мне ответов. Складывается впечатление, что это листок из чьего-то блокнота. На нем лишь грубый набросок. Я вижу бесформенное пятно, слегка напоминающее огурец из узора бута. Вокруг – сотни быстрых отметок, росчерком. Они сделаны в одно движение, быстрое и сильное. От одного взгляда на них у меня начинает болеть рука. Под огурцом, среди линий, я вижу несколько неопределенных форм. Это не круги, но и не квадраты. Левее изображен еще один кругоквадрат, побольше.

Я наконец понимаю, что это, и ахаю.

По непонятным мне причинам Вивиан нарисовала лагерь «Соловей».

В роли огурца выступает Полуночное озеро. Оно доминирует, оно притягивает к себе внимание. Росчерки – это абстрактный лес. Формы обозначают коттеджи. Их ровно двадцать, как и на самом деле. Большой кругоквадрат – это Особняк, расположившийся на южном берегу озера.

Почти напротив, на северном берегу, Вивиан нарисовала еще кое-что размером с коттедж. Нечто стоит около воды в одиночестве. Проблема в том, что на той стороне нет никаких строений. По крайней мере, я о них ничего не знаю.

Я ничего не понимаю. Я пытаюсь придумать, зачем Вивиан составила план, но мне в голову не приходит ни единой мысли. Она приезжала сюда три года подряд. Она прекрасно ориентировалась безо всяких карт.

Ведь это карта. Карта, на которой изображен не просто лагерь, но и озеро. Я вспоминаю вид со спутника. Полуночное озеро и его окрестности.

Я подношу рисунок ближе к лицу, стараясь рассмотреть другой берег. Неподалеку от загадочного строения я вижу кое-что, едва отделимое от росчерков.

Х.

Крестик маленький, но все-таки различимый. Он окружен треугольниками, напоминающими горы в изображении детсадовца. Вивиан нарисовала его с особым нажимом. Перекрещенные линии впились в бумагу, оставили след.

Значит, для нее это все имело значение.

Там расположено что-то интересное.

Я кладу фотографию в карту и прячу находку в своем ящике, думая о том, что Вивиан не зря так глубоко все это засунула.

Это был ее секрет.

А я отлично научилась хранить секреты.

Пятнадцать лет назад

– Тебе надо кое-что знать о лагере, – сказала Вивиан. – Никогда не приходи вовремя. Либо самой первой, либо самой последней.

– Даже в столовую?

– Туда – *особенно*. Ты просто обалдеешь. Все эти сучки с ума сходят при виде еды.

Это было мое первое утро в лагере. Мы с Вивиан вышли из душа и направились в столовую. Прошло уже пятнадцать минут с тех пор, как прозвучал звонок, но она не торопилась и шла ужасно медленно, взяв меня под руку.

Когда мы добрались до столовой, я увидела, что около здания ремесел и искусств стоит девочка с кучерявыми волосами. На шее у нее висел фотоаппарат. При виде нас в глазах у нее что-то мелькнуло. Узнавание? Тревога? Она быстро подняла камеру и прицелилась в нашу сторону.

– Это кто? – спросила я.

– Бекка? – уточнила Вивиан. – Не обращай внимания. Никто.

Она потянула меня вперед. Там, рядом с дымящимися подносами, стояли работники в сеточках для волос. Мы пришли последними, и очереди не было. Вивиан оказалась права. Не то чтобы я в ней сомневалась, конечно.

Позже нас пришла только улыбчивая рыжая вожатая. На ее рубашке было вышито имя «Кейси». Она оказалась невысокой – почти с меня – а ее фигура напоминала грушу, отчасти потому, что карманы шортов оказались чем-то забиты.

– Неужели это сама Вивиан Хоторн? – спросила она. – Прошлым летом ты сказала мне, что ноги твоей здесь не будет. Соскучилась?

– Как я могу упустить возможность испортить тебе еще пару месяцев? – отозвалась Вивиан и взяла два банана.

Один она положила на мой поднос.

– Эх, а я-то думала, что мне в этом году повезло.

Вожатая бросила на меня оценивающий взгляд. Казалось, она удивилась, что я была вместе с Вивиан.

– А ты новенькая, так?

Вивиан попросила две миски густой овсянки – и снова отдала одну мне.

– Эмма, это Кейси. Она тут раньше жила, сейчас работает вожатой. Проклятье всей моей жизни. Кейси, это Эмма.

Я подняла и опустила поднос, пытаюсь помахать:

– Очень приятно.

– Это моя протеже, – сказала Вивиан.

– Ничего себе, – Кейси снова повернулась ко мне и похлопала меня по плечу, – Заходи ко мне, если влияние Вивиан станет совсем уж разрушительным. Я живу в «Березе».

Она прошла мимо – к кофейнику и тарелке с пончиками. Я успела заказать то, что хотела на завтрак, – тост и бекон. Вивиан смирив взглядом мои тарелки, но ничего не сказала.

Мы пошли мимо чавкающих и гремящих посудой девочек. Рассажены все были как в школе. Младшие с одной стороны, старшие – с другой. И в тот момент я поняла, что нахожусь не в своей возрастной группе. Несколько ровесниц посмотрели на меня с завистью. Вивиан вела меня к старшим. Она кому-то помахала и усадила меня рядом с Эллисон и Натали.

Я уже проснулась, когда они выходили из коттеджа в сторону душевых. Они пригласили меня присоединиться, но я осталась внутри, ожидая Вивиан. Я хотела, чтобы именно она научила меня азам. Эллисон и Натали напоминали мне славных девчонок из школы. Взрослая версия Хизер и Мариссы.

Вивиан отличалась от них. Я первый раз видела настолько прямолинейного человека. Я была застенчива, поэтому меня грело ее внимание.

– Утречко, сучки, – сказала она. – Как спалось?

– Нормально, – ответила Эллисон, поковырявшись в миске с фруктами. – А тебе, Эмма?

– Отлично, – отозвалась я.

Конечно, я соврала. В коттедже было душно и тихо. Я скучала по кондиционеру и звукам Манхэттена – раздраженно сигналящим машинам и сиренам вдали. В лагере шумели только насекомые да едва слышно плескалось озеро. Скорее всего, я привыкну и к этому.

– Как хорошо, Эм, что ты не храпишь, – сказала Вивиан. – У нас в том году храпели. Как будто корова подыхала.

– Да ладно, ты преувеличиваешь, – отозвалась Натали.

Перед ней стояли две порции бекона и остатки блинчиков с сиропом. Она вгрызлась в кусок бекона и продолжила:

– Ты просто злишься, потому что она тебе больше не нравится.

Я успела заметить, что между ними тремя установилась странная отношения. Вивиан была заводилой. Это очевидно. Натали, спортивная и слегка мрачная, сопротивлялась. Хорошенькая тихая Эллисон всех мирила. Уже тем утром она выступила в привычной роли:

– Расскажи нам про себя, Эмма. Ты же не с нами учишься, да?

– Конечно, не с нами, – отозвалась Вивиан. – Мы бы знали. Сюда ездит половина школы.

– Я учусь в «Дуглас-Академи», – сказала я.

Эллисон взяла кусок дыни и поднесла ко рту, а потом отложила.

– И как?

– Да нормально. У нас там одни девчонки.

– И у нас, – сказала Вивиан. – Я бы реально убила, только чтобы провести лето подальше от этих шлюх.

– Да зачем? – спросила Натали. – Ты и так делаешь вид, что половину из них не замечаешь.

– Да-да. А сейчас я делаю вид, что не замечаю, как ты обжираться беконом, – быстро отозвалась Вивиан. – Продолжай в том же духе, на следующий год поедешь в лагерь для толстяков.

Натали вздохнула и положила недоеденный кусок на тарелку:

– Эллисон, хочешь?

Эллисон покачала головой и отодвинула от себя тарелку с фруктами:

– Наелась.

– Да я пошутила, – сказала Вивиан, явно раскаиваясь. – Извини, Нат. Seriously. Ты выглядишь... нормально.

Она улыбнулась, и слово повисло в воздухе. Это было оскорбление.

Весь завтрак я следила за Вивиан и ела кашу, только когда она хватала свою ложку. Я не брала банан, пока его не взяла она. Она съела половину – я последовала ее примеру. Я даже не притронулась к тосту и бекону.

Я считала, что дело того стоит.

Вивиан, Натали и Эллисон ушли из столовой пораньше, чтобы подготовиться к уроку стрельбы из лука. У них был продвинутый уровень – только для старших. Я должна была держаться в своей возрастной группе. Я решила, что это будет ужасно скучно. Подумать только, что со мной сделала одна ночь в коттедже «Кизил».

Я снова прошла мимо девочки с камерой. Она вдруг встала прямо на моем пути, и я замерла на месте.

– Ты что делаешь?

– Предупреждаю. По поводу Вивиан.

– Что ты имеешь в виду?

– Не дури. Со временем она на тебя окрысится.

Я сделала шаг вперед, пытаясь выглядеть круто, как прошлым вечером:

– Да о чем ты?

Девочка с камерой растянула губы, но это была горькая ухмылка, а не улыбка. Она почти оскалилась:

– Узнаешь.

8

Я прихожу в столовую на ужин. Френни стоит по центру и говорит приветственную речь. Судя по всему, я пропустила где-то половину. Выглядит она получше. Видно, что сейчас она как рыба в воде. Конечно – природа, группа девочек, рассказ о радостях жизни в лагере. Френни водит глазами по аудитории и удерживает зрительный контакт с каждой, будто приветствуя. Она замечает меня у двери и почти подмигивает: вокруг ее глаз появляются лучистые морщинки.

Мне кажется, что я слышала эту речь пятнадцать лет назад. Как знать, может быть, так и есть, и Френни цитирует по памяти. Она уже пересказала часть про создание озера в новогоднюю ночь и теперь углубилась в историю самого лагеря.

– В течение долгого времени эта территория была частным курортом, принадлежавшим моей семье. Ребенком я проводила все лето, а иногда и зиму, осень и весну, исследуя тысячи гектаров нашей земли. После смерти родителей я получила ее в наследство. В 1973 году я решила превратить семейный курорт Харрисов в лагерь для девочек. Спустя год открылся «Соловей», в котором отдыхали целые поколения девочек и девушек.

Она делает паузу, чтобы вдохнуть, затем продолжает, опуская несколько лет. Она не говорит про моих друзей, про позор лагеря и его закрытие.

– Сегодня лагерь приветствует вас, – продолжает Френни. – Мы не любим кучкование, мы не любим популярность и чувство превосходства. Мы любим вас. Всех вас. Мы хотим, чтобы вы запомнили лагерь «Соловей». Если вам что-то нужно, пожалуйста, обращайтесь к Лотти, моим сыновьям или Минди, она новый член нашей семьи.

Френни указывает влево. Там стоят Чет и Минди. Чет притворяется, что не видит влюбленных взглядов половины девочек, а Минди машет рукой – как на конкурсе красоты. Я осматриваю комнату, ища взглядом Тео. Его нет. Я чувствую разочарование и облегчение одновременно.

Френни сжимает руки и торжественно кивает. Речь окончена. И только я знаю, что это неправда. Осталась еще одна часть сценария. Френни исполняет ее безукоризненно, как опытный политик.

– И да, я совсем забыла, – притворяется Френни. – Я не хочу, чтобы вы звали меня «миссис Харрис-Уайт». Просто Френни. Я настаиваю. Перед лицом природы мы все равны.

Минди начинает аплодировать. Чет хлопает, но будто бы нехотя. Скоро весь зал следует их примеру, и Френни быстро кланяется, а потом уходит через боковую дверь, которую для нее открыла Лотти.

Я направляюсь к тележкам с едой. Маленькая команда поваров в белой форме выставляет гамбургеры, картошку и капустно-морковный салат. В нем столько майонеза, что он собирается на дне тарелки в виде лужицы.

Я не собираюсь присоединяться к Саше, Кристал и Миранде. Я иду к столу у двери, за которым сидят восемь женщин. Пятеро совсем молоды, почти наверняка – студентки. Это вожатые. Остальным от тридцати до шестидесяти. Преподаватели. Правда, я не вижу Бекки Шонфельд.

Узнаю я только Кейси Андерсон. В ней мало что изменилось. Фигура у нее такая же, рыжие волосы подстрижены довольно коротко. Она наклоняет голову, узнав меня, и они касаются ее плеча. Она встает, чтобы обнять меня:

– Здорово, что ты вернулась, Эмма.

Другие преподаватели кивают, а вожатые просто смотрят. Я вдруг понимаю, что все они знают, кто я и что со мной случилось.

Кейси знакомит меня с преподавателями. За писательство отвечает Роберта Райт-Смит, приехавшая в лагерь «Соловей» три раза с первого года его работы. Роберта пухленькая, веселая и смотрит на меня сквозь очки, сдвинутые на кончик носа. Пейдж Макадамс ездила сюда в конце восьмидесятых. Она седая и стройная, у нее костлявые пальцы, и она слишком сильно сжимает мою руку; оказывается, она преподает гончарное дело, так что это объяснимо.

Кейси объясняет, что сама она приписана к зданию ремесел и искусств на постоянной основе. Она преподает английский язык восьмиклассникам и приехала сюда, потому что ее собственные дети уехали в другой лагерь, а еще она не так давно развелась с мужем.

Развод оказывается общей темой. Кейси хочет избежать полутора месяцев в пустом доме. Пейдж ждет, пока ее в скором времени бывший муж освободит их квартиру в Бруклине. Роберта, преподаватель в Университете Сиракуз, не так давно она рассталась со своей подругой-поэтом и захотела отдохнуть в тихом месте. Кажется, я одна не могу обвинить бывшего в том, что поехала сюда. Я даже не знаю, хорошо это или просто-напросто жалко.

Мне кажется, что у меня больше общего с вожатыми. Они учатся в университете и пока что не познали горестей жизни. Они симпатичные, непримечательные и взаимозаменяемые. Хвостики, розовый блеск для губ, поблескивающие лица. Конечно, они ездили бы в «Соловей» в подростковом возрасте, но он тогда был закрыт.

– Кто еще невероятно рад лету? – спрашивает одна.

Мне кажется, ее зовут Ким. Или Даника. Я забыла их имена через пять секунд после знакомства.

– Я точно рада! – продолжает она.

– А тебе не кажется это странным? – спрашивает Кейси. – Ну то есть я рада помочь, но я не понимаю, почему Френни решила открыть лагерь спустя столько лет.

– Да почему сразу странным, – говорю я. – Скорее удивительным.

– А я голосую за странность, – отзывается Пейдж. – Почему сейчас?

– А почему нет?

Минди незаметно подошла к столу и стоит прямо за мной со скрещенными на груди руками. Непонятно, что именно она услышала, но фальшивая улыбка на ее лице меркнет.

– Разве Френни нужны причины, чтобы сделать доброе дело? – спрашивает она у Роберты, Пейдж, Кейси и меня. – Я и не подозревала, что дать девочкам возможность отлично провести время – это плохая идея. Ведь вы сами тут веселились.

Она что, пытается подражать Френни? Да, речь Френни следует сценарию, но она верит в то, что говорит. А слушатели верят ей. Голос Минди звучит ханжески, поэтому я не выдерживаю:

– Честно говоря, и врагу не пожелала бы такого веселья.

Она грустно качает головой, видимо, не ожидая такой подлости. Она поднимает руки к сердцу:

– Я разочарована, Эмма. Френни проявила незаурядную смелость, пригласив тебя сюда.

– А Эмма проявила смелость, приехав. – Кейси бросается на мою защиту.

– Это так, – говорит Минди. – Поэтому я думала, что она будет защищать лагерь и его устои.

Я закатываю глаза так сильно, что мне даже становится больно:

– Seriously?

– Хорошо, хорошо. – Минди садится на пустой стул и шумно вздыхает. На ум приходит проколота шина. – Лотти сказала мне, что нам нужно составить график проверки коттеджей.

Ах да, проверка. Каждый вечер вожатые обходят лагерь и убеждаются в том, что все на месте, живы и не затевают ничего плохого. Вивиан просто обожала это время и отрывалась по полной.

– Каждый вечер нужно обходить все коттеджи, в которых нет преподавателя или вожакого. Мы будем работать парами. Кто пойдет первым? Кстати, где Ребекка?

– Мне кажется, она спит, – отвечает Кейси. – Я наткнулась на нее, она сказала, что должна прилечь, а то разница во времени доконает ее. Она была в Лондоне и приехала сюда прямо из аэропорта.

– Ну хорошо, впишем ее потом, – говорит Минди. – Так кто пойдет сегодня?

Все склоняются над графиком. Я вижу, как двойные двери столовой открываются и внутрь заходит Ребекка Шонфельд. В отличие от Кейси, она здорово изменилась. Ребекка больше не носит брекеты, да и подростковый жирок пропал. Она стала жестче, меньше и утонченней. Кудрявый беспорядок на голове превратился в гладкую короткую стрижку. Стандартная форма преподавателя выделяется благодаря яркому шарфу. Под ним болтается камера. Даже двигается Ребекка по-другому – скуп и точно. От нескладного подростка не осталось и следа, теперь она похожа на женщину на задании. Она пересекает зал и берет яблоко. Направляясь обратно, она откусывает его и останавливается, только когда видит меня в другом конце зала.

Мне трудно понять, что означает ее взгляд. Она удивлена? Счастлива? Смущена? Ребекка снова кусает яблоко и выходит на улицу.

– Мне пора, – говорю я.

Минди снова устало вздыхает:

– Проверка.

– Запиши меня на любой день.

Я покидаю стол, едва притронувшись к еде.

Снаружи я пытаюсь найти Бекку, но ее и след простыл. Территория перед зданиями пуста. Я вижу, как вдалеке Френни медленно идет в Особняк вместе с Лотти. На лужайке за Особняком я замечаю того рабочего. Он катит тачку к ветхому сарайчику на самом краю. Жизнь кипит, но Бекки нигде нет.

Я направилась к коттеджам, и тут кто-то окликает меня по имени:

– Эмма?

Я замираю на месте, безошибочно определив, кому принадлежит этот голос.

Тео Харрис-Уайт.

Он зовет меня из здания ремесел и искусств. Его голос совсем не поменялся, точно речь Френни. На меня обрушиваются воспоминания. От них становится больно, будто в сердце вонзилась стрела.

Я вспоминаю, как увидела Тео в первый раз, как жала его руку, как старательно не обращала внимания, что майка натягивается у него на груди, как испугалась от внезапного чувства тепла.

Я вспоминаю, как Тео стоит по пояс в воде. У него загорелая и сияющая кожа. Он держит меня в руках, опуская в воду, пока я не начинаю плыть. Его прикосновения почти вызывают во мне дрожь.

Я вспоминаю, как Вивиан толкает меня к щели в стене душевой. Там льется вода, и Тео напевает песню Green Day. «Ну же, – подначивает Вивиан. – Посмотри. Он не узнает».

– Эмма, – говорит он твердо.

Тео узнал меня.

Я медленно оборачиваюсь, не зная, чего ожидать. Часть меня хочет, чтобы он стал лысым и краснолицым, чтобы подступающий средний возраст наградил его раздувшимся животом. Другая часть хочет, чтобы все осталось неизменным.

Правда оказывается где-то посередине. Он, конечно же, повзрослел. Нет больше того рослого девятнадцатилетнего парня, которого я знала. Блеск юности сменился чем-то другим, теперь Тео выглядит более мрачным. Но годы его не испортили. Он стал более крупным – за

счет мышц. Редкая седина и щетина добавляют ему привлекательности. Ему идет зрелость. Он улыбается мне, и я вижу, как около его глаз и рта появляется несколько морщин. Тео еще красивее, чем раньше.

– Привет.

Так себе слово, но это единственное, что мне удастся из себя выдавить. Мне мешает одно воспоминание, затмевающее все остальные.

...Тео стоит у Особняка. Он выглядит усталым и расстроенным, потому что весь день рыскал по лесам. Я подбегаю к нему, молочу кулаками его по груди и ору: «Где они? Что ты с ними сделал?»

Это последнее, что я ему сказала.

И вот он опять передо мной. Я думаю, что он сердится и злится, потому что я обвинила его в немыслимом. Мне хочется убежать – как сбежала Ребекка. Но я стою неподвижно. Тео выходит из здания и внезапно меня обнимает. Я отстраняюсь почти мгновенно, опасаясь, что прикосновение вызовет поток совсем уж нежелательных воспоминаний.

Тео делает шаг назад, смотрит на меня и мотает головой:

– Не могу поверить, что ты здесь. Мама сказала, что ты приедешь, но я не думал, что это случится.

– Я приехала.

– И у тебя все неплохо. Ты замечательно выглядишь.

Он предельно корректен. Я же видела собственное отражение в экране телефона. Я знаю правду.

– И ты!

– Я слышал, ты художник? Мама сказала, что купила одну картину. Я еще не видел ее. Вернулся из Африки пару дней назад.

– Да, Френни упоминала. Ты врач?

Тео пожимает плечами, почесывает заросший щетиной подбородок:

– Ага, педиатр. Год проработал с «Врачами без границ». Но на следующие полтора месяца меня ждет понижение. Лагерный медбрат.

– Тогда я лагерный художник.

– Кстати, я вот заканчивал обустраивать мастерскую. – Тео кивает на здание. – Хочешь посмотреть?

– Прямо сейчас? – уточняю я.

Я удивлена, что он так спокойно говорит о том, чтобы остаться со мной наедине.

– Лови момент, – отвечает он и смотрит на меня, наклонив голову, со смесью любопытства и непонимания.

Взгляд в точности повторяет взгляд Френни на террасе.

– Давай, – соглашаюсь я. – Показывай дорогу.

Я следую за ним внутрь и вдруг оказываюсь внутри просторной комнаты. Стены выкрашены в небесно-голубой цвет и выглядят жизнерадостно. Ковер и плинтусы – зеленее травы. Три колонны, стоящие друг от друга на одинаковом расстоянии и подпирающие потолок, выглядят как деревья. На самом верху они украшены зеленой листвой. Я будто попала в книжку с картинками. Тут радостно и весело.

Слева находится небольшая фотостудия для Бекки. Там установлены новенькие цифровые камеры, станции подзарядки и несколько тонких компьютеров – чтобы обрабатывать фото. По центру расположена мастерская. Тут и круглые столы, и ящики, и шкафчики с бисером, леской, кожаными ремешками коричневого цвета. Я замечаю десяток ноутбуков для занятий Роберты и пару гончарных кругов для Пейдж.

– Впечатляет, – говорю я. – Френни потрудились на славу, восстанавливая лагерь.

– Вообще, это заслуга Минди, – делится Тео. – Она с головой бросилась в процесс.

– Не могу сказать, что удивлена. Она полна...

– Энтузиазма?

– Я хотела сказать «сюрпризов», но так тоже нормально.

Тео ведет меня в дальний конец комнаты. Там полукругом расположились мольберты. На полке стоят тюбики краски и банки с кистями. Рядом с окном висят чистые палитры.

Я брожу по комнате, касаюсь пальцами белого холста, стоящего на мольберте. На полке целый калейдоскоп красок, расставленных по оттенкам. Лаванда, желтовато-зеленый, вишневый, королевский синий...

– Твои вещи я поставил туда. – Тео показывает на мой ящик. – Я решил, что ты захочешь распаковать его самостоятельно.

Если честно, он мне уже не особо понадобится. Тут есть все. И все-таки я достаю свои вещи. Видавшие виды кисти, полупустые тюбики, палитру, так сильно заляпанную краской, что она больше напоминает полотно Поллока.

Тео наблюдает за мной. Лучи закатного солнца высвечивают его лицо, и я замечаю кое-что новое. Пятнадцать лет назад этого не было.

Шрам.

На левой щеке Тео красуется шрам длиной в пару сантиметров. Он направлен ко рту и на оттенок бледнее его кожи. Вот почему я не увидела его сразу. А теперь взгляд отвести не могу. Я хочу спросить, откуда он, но тут Тео бросает взгляд на часы и говорит:

– Пойду помогу Чету с костром. Увидимся там?

– Конечно. Я никогда не откажусь от сморов².

– Отлично. В смысле, я рад, что ты придешь.

Тео неуверенно идет к двери, а потом оборачивается:

– Слушай, Эмма.

Я поднимаю взгляд. У него очень серьезный тон, и я начинаю волноваться. Сейчас Тео скажет что-нибудь про нашу последнюю встречу. Он наверняка про нее думает. Напряжение подобно натянутой струне, вот-вот лопнет.

Тео открывает рот, передумывает и закрывает его. В конце концов он произносит:

– Я рад, что ты здесь. Я знаю, что все непросто, но для моей мамы твой приезд много значит. И для меня тоже.

Я вижу, что Тео говорит искренне.

Он уходит, а я стою и гадаю, что он имел в виду. Он рад, что Френни рада? Или я напоминаю ему о хороших временах? О том, когда лагерь еще работал?

В конце концов я решаю, что он говорил не об этом.

Я думаю, что он простил меня.

Теперь мне осталось найти способ простить себя.

² Традиционный американский десерт в детских лагерях.

9

Видимо, в словаре Минди «любой день» – это сегодня. После посиделок у костра мне нужно обойти коттеджи. Я, конечно, не в восторге, но рада тому, что со мной отправляется Кейси. Мы перемещаемся от коттеджа к коттеджу, заглядываем внутрь, считаем головы и спрашиваем, не нужно ли что-нибудь нашим подопечным.

Оказаться по другую сторону этого процесса очень странно. Особенно вместе с Кейси. Пятнадцать лет назад она стучала в дверь и немедля ее открывала, пытаясь застукать нас за каким-нибудь хулиганством. Мы встречали ее, словно невинные овечки, и хлопали ресницами. Теперь такими же широко раскрытыми глазами смотрят на меня. А я то ли завидую очарованию юности, то ли раздражена неискренностью.

В двух коттеджах льют слезы, потому что скучают по дому. Вивиан ошибалась: плачут не все новички, но многие. Я провожу несколько минут с девочками, объясняя, что сейчас лагерь кажется страшным, но совсем скоро они его полюбят и не захотят возвращаться домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.